

Внесудебное психологическое исследование материалов уголовного дела

I. Вводная часть

1. Основания и обстоятельства проведения исследования

Основанием для проведения данного исследования являлся запрос представителя потерпевших, юриста Игоря Шолохова о проведении психологического исследования материалов уголовного дела № 167635 от 24.07.2009 года.

Материалы исследования:

1) Копии некоторых материалов уголовного дела №167635: тома с 1 по 21, 29 по 53, обвинительное заключение.

Исследование проведено специалистами:

- психологом, (специальность: «030301 – Психология», высшее образование получено в Академии управления и права ФСИН России, кафедра юридической психологии, стаж работы по специальности 14 лет, общий стаж в системе МВД, МЮ – 18 лет), подполковником внутренней службы УИС России в отставке, Владимиром Анатольевичем РУБАШНЫМ;

- психологом, (специальность: «030301 – Психология», высшее образование получено в КГУ им.Ульянова-Ленина, стаж работы по специальности 13 лет, общий стаж в системе МВД, МЮ – 18 лет), майором внутренней службы УИС России в отставке, Виктором Юрьевичем ИГНАТОВЫМ;

Время и место проведения исследования.

Исследование начато 13 сентября 2010 года в 16:00 и окончено 25 сентября 2010 года в 20:00.

Исследование проведено в помещении психологического консультационно-диагностического кабинета («ИП Рубашный В.А.»), расположенного по адресу: 420057, г.Казань, ул. Воровского, дом 3, к. 68.

2. Вопросы, поставленные перед специалистами

1. Могли ли, и если да, то каким образом, социально-психологические особенности в социальной организации персонала исправительного учреждения ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, способствовать возникновению чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела?

2. Могли ли, и если да, то каким образом, профессиональные качества и позиции сотрудников исправительного учреждения ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, способствовать возникновению чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела?

3. «Что мотивировало поведение обвиняемых во время совершения ими общественно опасного деяния?»

4. Какие дополнительные факторы могли повлиять на возникновение чрезвычайной ситуации в ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, описанной в материалах уголовного дела?

5. Обладают ли потерпевшие специфическими индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями, которые могли вызвать (спровоцировать) именно такую ответную реакцию обвиняемых, которая описана в материалах уголовного дела?

3. Для исследования была привлечена следующая литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений М., 1996.

2. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. – М.: ИД «Камерон», 2006.

3. Анциферова Л.И. Условия деформации личности // Новые исследования. – М.: Наука, 1998.

4. Бартол К. Психология криминально поведения. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК. 2004.

5. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности СПб.: Речь, 2004.

6. Блэкборн Р. Психология криминально поведения. – СПб.: Питер, 2004.

7. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / СПб.: Питер, 1999.

8. Борисова С.Е. Профессиональная деформация личности сотрудника // Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
9. Буданов А.В., 1992. Работа с сотрудниками органов внутренних дел по профилактике профессиональной деформации: Практическое пособие для руководящих работников УВД, ОВД, служб по работе с личным составом, подразделений морально-психологического обеспечения деятельности ОВД М.: ГУВД г. Москвы.
10. Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб.: Питер, 2004.
11. Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. — М., 1976.
12. Водопьянова Н.Е. Синдром «выгорания» в профессиях системы «человек—человек» // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова и др. СПб., 2001.
13. Водопьянова Н.Е. Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях. Психология здоровья. / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2000.
14. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2005.
15. Гордиенко Ш.А., 2006. Психолого-педагогическая подготовка к выполнению оперативно-служебных задач в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. № 1 (25).
16. Демин В.М. Дифференцирование мероприятий по профилактике отклоняющегося поведения сотрудников исправительных учреждений. Тезисы международной научно-практической конференции 28 - 29 октября 2004 г. «Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы». - Рязань, 2004.
17. Демин В.М. Квалификационные требования к сотрудникам основных служб УИС. Методические рекомендации. - М.: НИИ ФСИН России, 2006.
18. Демин В.М. Предупреждение отклоняющегося поведения и дезадаптивных нарушений сотрудников ФСИН России: Монография. - М.: НИИ ФСИН России, 2007.
19. Демин В.М. Проблемы профилактики нарушений дисциплины и законности сотрудников пенитенциарных учреждений. Российский следователь (№2). - Москва, 2007.
20. Демин В.М. Проведение служебных проверок и расследований по фактам совершения правонарушений в уголовно-исполнительной системе: Методические рекомендации. - М.: НИИ ФСИН России, 2006.
21. Демин В.М. Факторы, обуславливающие нарушения дисциплины и законности сотрудниками пенитенциарных учреждений. Проблемы профилактики. Вестник Томского государственного университета (№2). - Томск, 2007.

22. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России (история и современность). М., 1998.
23. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе: Учеб. пособие / Гецманова И.В. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2006.
24. Константинов А.Е., 2005. Акмеологические условия саморегуляции отрицательных психологических состояний государственных служащих в особых условиях деятельности. Дисс... канд. психол. наук. М.
25. Коростылева Л.А. Самореализация личности в профессиональной сфере: генезис затруднений. – СПб.: Речь.
26. Криминопедология: Учебное пособие / Старков О.В. – М.: Издательство «Экзамен», 2004.
27. Л.А. Китаев-Смык «Психология стресса - 2: Психологическая антропология стресса». Второе издание переработанное и дополненное. Опубликовано в журнале «Вопросы психологии экстремальных ситуаций», 2007, № 4.
28. Лагерлеф Х. Психофизиологические реакции в период эмоционального стресса: медицинские последствия этих реакций // Эмоциональный стресс. – Л.: Медицина, 1970.
29. Лебедев И.Б., Цветков В.Л. Психология в правоохранительной деятельности. – М.: Щит-М, 2003.
30. Левин К. [Динамическая психология: Избранные труды](#) / Под общ. ред. Леонтьева Д.А. и Патяевой Е.Ю.; (сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Деонтьева Д.А., Патяевой Е.Ю.). - М.: Смысл, 2001.
31. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. -2000. № 3.
32. Лунина Е.Г., 1997. Социально-психологическая поддержка как фактор минимизации профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов. Дисс.... канд. пед. наук М.
33. Марьин М.И., Буданов А.В., Петров В.Е., Борисова С.Е., Такасаева К.Р., Адаев А.И., 2004. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел: Методическое пособие под общей ред. В.М. Бурькина. М.: ИМЦ ГУК МВД России.
34. Марьин М.И., Солдатова И.Ф., Петров В.Е., Орлова И.Ю. Психологическое обеспечение работы с сотрудниками ОВД, требующими повышенного психологического внимания. – Барнаул: Барнаульский Юридический Институт МВД России, 2004.

35. Медведев В.С. Психология профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. Киев, 1999.
36. Медведев В.С., 1991. Психология профессиональной деформации сотрудников внутренних дел. Автореф. ... дисс. докт. психол. наук, Киев
37. Методическое пособие по проведению профессионального отбора ВВ И ОВД 1999. Никифоров Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие.- СПб.: Речь, 2002.
38. Митюрин Н.Ю. Проблемы профессиональной деформации личности сотрудников ОВД в контексте уголовно-правовых отношений // Правовая политика и правовая жизнь. - М., Саратов, 2008, № 4.
39. Немчин Т.А. Адаптация человека к экстремальным условиям и нервно-психическое напряжение // Вестник ЛГУ. 1977. № 11.
40. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФА-М, 2001.
41. Организация психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях / Под ред. В.М. Бурыкина. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004.
42. Орел В.Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии.— Ярославль, 1999.
43. Осипова А.А. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях – Изд. 2-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
44. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел / Под ред. Б.В. Бовина. – М.: Щит-М, 1997.
45. Панкин А.И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. М., 1996.
46. Пенитенциарная криминология: Учеб. / Под ред. Антоняна Ю.М., Гришко А.Я., Фильченко А.П., Рязань, 2009.
47. Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии. М., 2000.
48. Пономарев И.Б. Профессиональная деформация как одна из причин нарушения законности // Проблемы укрепления законности в деятельности органов внутренних дел по применению уголовного законодательства. – М., 1984.
49. Предупреждение деструктивных форм поведения сотрудников УИС / Методические рекомендации. – М.: ОПС ГУИН Минюста России, НИИ УИС Минюста России, 2005.
50. Прикладная социальная психология. М.; Воронеж, 1998.

51. Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
52. Психология. Педагогика. Этика / Под ред. Ю.В. Наумкина. М., 2002.
53. Рабочая книга пенитенциарного психолога // Под ред. Мокрецова А.И., Голубева В.П., Шамиса А.В. - М.: 1998.
54. Робертс Г.А. Профилактика выгорания. // Вопросы общей психотерапии. – 1998. - № 1. – с. 26 – 32.
55. Ронгинская Т.И. Синдром эмоционального выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. – 2003. - № 3. – С. 85 – 95.
56. Самоукина Н.В. Психология профессиональной деятельности. – СПб.: Питер, 2004.
57. Скугаревская М.М. Синдром эмоционального выгорания // Медицинские новости. – 2002. - № 7.
58. Совкова (Тарасова) И.Ю., 2003. Деструктивное поведение личности в кризисных ситуациях служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. №1 (19), с. 73-81
59. Соколова Е.Н. Морально-психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов. Педагогический аспект. – М.: Щит-М, 2005.
60. Сухов А.Н., Поздняков В.М. Психология делового общения сотрудников с осужденными. Рязань, 1991.
61. Такасаева К.Р., 2001. Морально-психологические факторы профессиональной деформации личности сотрудника ОВД. Автореф. дисс. ... канд. психол наук. М.
62. Тхостов А.Ш. Феноменология эмоциональных явлений // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1999. № 2. С. 3-14.
63. Уиштиков А.И., Лузгин С.А., Суровцев В.А. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы. Рязань, 2001.
64. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003.
65. Хрусталева Т.А. Личностные качества и высокий уровень профессиональной подготовки // Журнал прикладной психологии. – 2003. - № 2. – С. 9 – 11.
66. Чечкова А.В. Социально-психологическая адаптация персонала к организационной культуре исправительных учреждений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2001.
67. Шамсунов С.Х. О задачах профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России // Юрид. вестник. №1 (2). Владимир.

68. Шерменёв М. А. Методологические проблемы исследования деформации правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А.Некрасова. – 2006.
69. Шиханцев Г.Р. Юридическая психология. М., 2000
70. Шнайдер Г. Введение в криминологию. М., 1990.
71. Энциклопедия юридической психологии / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2003.

II. Исследовательская часть

1. Методика исследования

Исследование проведено в пределах, имеющихся у специалистов предметных познаний в области общей, возрастной, педагогической, юридической, социальной, практической и клинической психологии.

В целях формирования обоснованных выводов, служащих основанием для дачи ответов на поставленные вопросы, специалистами в процессе исследования был проведен комплекс процедур по сбору, изучению, оценке и анализу доказательной информации, содержащейся в предоставленных специалистам материалах, и имеющейся специальной литературы. Указанные процедуры проводились с использованием основных эпистемологических принципов исследования.

Формирование выводов осуществлялось специалистами по их внутреннему убеждению, основанному на независимом, всестороннем, объективном и непосредственном анализе полученной в процессе исследования доказательной информации и их профессиональном мнении.

2. Исследование

Исследование по вопросу №1: «Могли ли, и если да, то каким образом, социально-психологические особенности в социальной организации персонала исправительного учреждения ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, способствовать возникновению чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела?»

Специфика профессиональной деятельности сотрудников органов уголовно-исполнительной системы предполагает постоянное решение ими нештатных ситуаций и, как

следствие, - эмоциональную напряжённость (Ушатиков А.И., 1995). Поэтому персонал УИС, несомненно, можно отнести к группе повышенного риска.

Так, Шамис А.В., описывая деятельность рассматриваемой нами категории профессионалов, в качестве факторов, приводящих к стойкой эмоциональной напряжённости, профессиональной деформации, стрессовым нагрузкам и иным негативным последствиям выделяет: недостаточную социально-правовую защищенность сотрудников; постоянное психологическое давление со стороны осужденных; отсутствие оптимального взаимодействия сотрудников; преобладание авторитарного стиля руководства подчиненными.

Анализируя должностные обязанности различных категорий сотрудников пенитенциарных учреждений, он также указывает на то, что в их деятельности преобладают следующие признаки: неопределенность (недостаточная конкретизация прав и обязанностей); сверхнормативность (противоречие между объемом работы и временем, необходимым для ее выполнения); экстремальность, риск (устойчивый конфликтный характер взаимоотношений с осужденными и др.).¹

Такие исследователи, как Хвостов А.А., Проценко Л.М. и Мухина В.С. выделяют следующие экстремальные факторы в деятельности сотрудников пенитенциарной системы: контингент осуждённых; изоляция условий профессиональной деятельности (в том числе её закрытость); низкая престижность профессии; психологические проблемы. Особо актуальным здесь является решение проблем, связанных с профилактикой профессионально-нравственной деформации сотрудника, определяемой как «изменение нравственно-личностных качеств сотрудника, характера, поведения под влиянием профессиональной среды. (Хвостов А.А., Проценко Л.М., Мухина В.С., 2003).

Борисова С.Е., с опорой на исследование Буданова А.В. (1992) описывает три группы факторов, ведущих к возникновению профессиональной деформации.

1) Факторы, обусловленные спецификой правоохранительной деятельности, к которым можно отнести: детальную правовую регламентацию деятельности, что наряду с позитивным эффектом может приводить к излишней формализации деятельности, элементам бюрократизма; наличие властных полномочий по отношению к гражданам, что порой проявляется в злоупотреблении и необоснованном их использовании сотрудниками; корпоративность деятельности, которая может быть причиной возникновения психологической изоляции сотрудников исправительных учреждений и отчуждения от общества; повышенную ответственность за результаты своей деятельности (в особенности ответственность перед вышестоящим руководством); психические и физические перегрузки, связанные с нестабильным графиком работы, отсутствием достаточного времени для отдыха и

¹ Рабочая книга пенитенциарного психолога // Под ред. Мокрецова А.И., Голубева В.П., Шамиса А.В. - М.: 1998.

восстановления затраченных сил; необходимость в процессе выполнения служебных задач вступать в контакт с правонарушителями, что может приводить к усвоению элементов криминальной субкультуры (использование уголовного жаргона, толерантность к агрессивности, насилию и т.п.).

2) Факторы личностного свойства, отражающие особенности сотрудников органов правопорядка, к которым относятся: неадекватный возможностям сотрудника уровень притязаний и завышенные личностные ожидания; недостаточная профессиональная подготовленность; специфическая связь между некоторыми профессионально значимыми качествами личности сотрудника (так, решительность в сочетании с пониженным самоконтролем может развиться в чрезмерную самоуверенность и т.п.); профессиональные установки (например, восприятие действий других людей как возможных нарушителей закона может привести к обвинительному уклону в деятельности, глобальной подозрительности и др.); особенности социально-психологической дезадаптации личности сотрудника, приводящие к проявлению агрессивности, склонности к насилию, жестокости в обращении с гражданами и др.; изменение мотивации деятельности (потеря интереса к деятельности, разочарование в профессии и др.).

3) Факторы социально-психологического характера. К ним относятся: неадекватный и грубый стиль руководства подчиненными; низкая общественная оценка деятельности учреждений УИС, что порой ведет к безысходности в деятельности сотрудников, возникновению профессионального бессилия и неуверенности в необходимости своей профессии.

Специфика профессиональной деятельности при определённых условиях может вызвать развитие негативных явлений в психологической структуре личности, деформировать ее. Склонность к профессиональной деформации наиболее часто наблюдается у представителей профессий, обладающих властными полномочиями, работающих в сфере разрешения насущных жизненных проблем, от решений, воли которых зачастую зависит достоинство, свобода и даже здоровье и жизнь людей. К такой деятельности относится деятельность сотрудников УИС.

В узком смысле под профессиональной деформацией понимают приобретение таких качеств, навыков и склонностей, которые отрицательно влияют на решение поставленных перед сотрудником профессиональных задач.

Указанные выше аспекты, несомненно, оказывают негативное социодинамическое влияние на коллектив сотрудников любого исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы.

В ходе изучения и анализа данного уголовного дела мы пришли к выводу, что помимо описанных выше факторов, влияющих на деятельность любого исправительного учреждения УИС, одной из важнейших причин возникновения чрезвычайного происшествия, произошедшего в ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, явился еще и такой вид профессиональной деформации, как деформация правового сознания сотрудников. В первую очередь это касается сотрудников обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «а», «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. п. «а», «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, ч. 3 ст. 306 УК РФ Городова Е.А., Мухаметова Р.М., Симакова Д.В., Зырянова А.В., Берловича М.Л., Кондратюка Е.А., Антуева П.Б., Токарева М.А., Голоднова Д.А., Гумерова Р.З., Мальшакова А.А., Орлова С.Е., Селютина А.В., Бирюкова А.А.

Деформация правового сознания - это социальное явление, характеризующееся изменением состояния, при котором у носителей формируются определенные идеи, представления, взгляды, знания, чувства и настроения, переживания и эмоции, которые искаженно отражают юридическую действительность и выражают отрицательное отношение к действующему праву, законности и правопорядку.

Одной из распространенных форм деформации правового сознания является *правовой нигилизм* – при котором, состояние правосознания личности, группы, характеризующееся осознанным игнорированием требований закона, ценности права, пренебрежительным отношением к правовым принципам.

Как показывают исследования, правовой нигилизм - наиболее распространенная и укоренившаяся форма деформации правосознания населения в государствах с авторитарным и тоталитарным режимами. Без особых сомнений можно утверждать, что организационно-управленческий режим уголовно-исполнительной системы России в современном его состоянии носит авторитарный, а нередко и тоталитарный характер (как по отношению к спецконтингенту, так и по отношению к персоналу этого ведомства). Именно данный феномен, по нашему мнению, и оказывает исключительное влияние на формирование у сотрудников УИС правового нигилизма.

По мнению пенитенциарных специалистов, «в повседневной практике деятельности УИС не изжиты факты бездушного отношения к осужденным, бескультурья в речи и поведении, пренебрежения нормами служебной этики. Нередки случаи ... лишения осужденных законных прав, необоснованного применения спецсредств, вступления в запрещенные связи со спецконтингентом, взяточничество, предательство сотрудниками интересов службы и др.».²

²Шамсунов С.Х. О задачах профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России // Юрид. вестник. №1 (2). Владимир. С. 7–8.

Хотя в профессиональной юридической среде считается, что игнорирование закона с преступной целью - самостоятельная форма деформации правосознания, необходимо учитывать, что правовой нигилизм порождает правонарушения, в том числе уголовные преступления.

Значительный объем властных принудительно-распорядительных полномочий, имеющихся у сотрудников исправительных учреждений, и постоянная их реализация нередко приводит к чрезмерному и необоснованному их использованию, проявляясь во властолюбии, стремлении к подавлению воли, чести, достоинства другого человека (осужденного, подозреваемого, обвиняемого), самодурстве, нежелании признавать свои ошибки, уверенности в собственной непогрешимости, переходящей во вседозволенность.

Хронические социально-бытовые трудности сотрудников УИС являются не только источником постоянного психоэмоционального напряжения, но и благоприятной почвой для формирования стереотипных форм поведения. В одних случаях они носят пассивный характер и проявляются в халатности, пренебрежении к служебным обязанностям, безразличии, апатии и бездействии в профессиональной сфере; в других - *стереотипы поведения смещаются в сторону агрессивных форм, проявляясь (как крайний вариант) в насильственных действиях в отношении осужденных.*

Влияя на личность сотрудников УИС, специфические условия служебной деятельности зачастую приводят к нежелательным изменениям в их мировоззрении, системе нравственных ценностей, проявлению в психологической структуре личности таких негативизмов, которые начинают отрицательно сказываться на осуществлении профессиональной деятельности.

Нежелательные изменения могут относиться к интеллектуальной, эмоциональной, волевой сферам личности и проявляться в содержании и характере знаний правовых и нравственных принципов и норм, в умении ими пользоваться, в ценностных отношениях к праву, практике его реализации, т.е. в правовых установках и ориентациях, в поведенческой позиции (решениях). Следствием развития данного феномена могут быть такие поведенческие проявления сотрудников, *которые влекут за собой нежелательные оценки окружающих, не совпадают с профессиональной этикой, нарушают законные права и интересы спецконтингента.*

Накопление усталости вследствие постоянного участия в экстремальных и повседневных напряженных условиях службы: регулярные «усиления», ненормированное рабочее время, - делают сотрудников в лучшем случае безразличными и равнодушными к лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, а в худшем – провоцируют противоправное поведение. Несоблюдение физиологической потребности человека в

отдыхе и *отсутствии ощущения его собственной защищенности* чревато различными нервно-психическими нарушениями, в том числе внезапными приступами ярости и насилия в отношении осужденных.

Что касается формы деформации профессионального правосознания, обвиняемых по статьям 316 УК РФ, ч. 3 ст. 285 УК РФ, ч. 3 ст. 33 УК РФ, ч. 3 ст. 306 УК РФ, ч. 2 ст. 292 УК РФ, Жидкова В.С., Афанасьева Е.В., Шилина А.В., Валеева В.Г., то помимо элементов правового нигилизма вполне обоснованно рассматривать и такую его форму, как *аномию правосознания*. Аномия – явление, присущее развитому, сформированному сознанию (позитивному – по терминологии Петрова В.Р.), характеризующему кризис *его ценностно-ориентационной составляющей*. К ней тесно примыкает *атрофия правовых чувств* – разрушение чувственно-эмоциональной сферы правосознания, когда при принятии юридически значимого решения сотрудник УИС руководствуется не чувством законности, а *прагматической целесообразности*, утрата чувства ответственности и служебного долга обуславливает пассивно-созерцательную позицию личности и др.

Описанные в материалах уголовного дела действия вышеперечисленных обвиняемых могут свидетельствовать о наличии у них элементов такого профессионально-деформирующего качества как негативно-правовой радикализм, в последнее время часто описываемый в профессиональной психологической литературе.

Данным понятием охватывается особое состояние профессионального правосознания, характеризующееся своеобразным «перерождением» идейно-психологической структуры личности и ее настроем, готовностью к противоправным действиям. Правовые знания и навыки деятельности здесь приносятся в жертву противоправным целям. Искажение познавательной, мотивационной и поведенческой сфер личности достигает такого уровня, который сообщает правосознанию аномальный характер, ориентирует его на достижение преступных намерений. Это, как отмечается в науке, наиболее опасная, точнее социально-вредная форма профессиональной деформации. *Неуважение к праву у негативных радикалов трансформируется в противоправный умысел использовать должностное положение в личных корыстных, карьерных и иных антисоциальных целях.*

Негативно-правовой радикализм, в сущности, *представляет собой внутренне сформировавшееся противоправно-ориентированное сознание должностного лица, которое использует профессиональные знания и навыки в личных целях*. Он выражается в состоянии маргинального повседневного поведения и всего образа жизни. Отсюда взяточничество, должностной подлог и весь «букет» прочих злоупотреблений властным положением.

На ряду с этим, анализируя действия перечисленных выше сотрудников, описанные в материалах уголовного дела, можно говорить еще об одной особой разновидности деформации профессионального правосознания, являющейся результатом полного системного кризиса, а именно об *аберрации*³ – перерождении профессионального правосознания сотрудников, его трансформацию в негативную форму сознания, при которой глубокому деформированию подвергаются эмоционально-чувственные, мотивационные и ценностные компоненты, изменяется содержание его рационально-волевой направленности. При этом происходит изменение позитивного отношения к праву: *профессиональные правовые знания используются в целях, противоположных правовым*; происходит полная атрофия правовых чувств (справедливости, законности, уважения прав и свобод человека, ответственности и др.), подмена правовых мотивов корыстными; правовые установки трансформируются в противоправные, а стереотипы правомерного поведения заменяются стереотипами преступного поведения. Внешними проявлениями аберрации выступают прямое предательство интересов службы, *совершение должностных преступлений*. В контексте рассматриваемого уголовного дела речь идет о сокрытии должностными лицами совершенного подчиненными преступления.

Дополнительно остановимся на рассмотрении особенностей группового поведения, которое специфически влияет на членов группы и в условиях деятельности исправительных учреждений УИС могут приобретать гипертрофированные формы.

По мнению Курта Левина, основные изменения личности происходят не в индивидуальном, а групповом контексте. Он считал группу динамическим целым «со свойствами, отличными от свойств ее слагаемых или суммы этих слагаемых».⁴

Служебный коллектив - это институциональная реальная группа, организованная и взаимодействующая по внутреннему и внешнему контурам с целью осуществления правоохранительной деятельности, находящаяся на некотором уровне психологического развития и потенциально двояко влияющая на отдельных сотрудников как своих членов (Медведев В.С., 1992).

Необходимо учитывать, что не все реальные группы, занимающиеся общественно полезной деятельностью и традиционно классифицирующиеся как коллектив, являются таковыми в действительности, а также то, что служебный коллектив не всегда только положительно влияет на своих членов.

Своеобразие совместной групповой деятельности заключается в том, что в ходе ее возникают коммуникативные связи между сотрудниками, групповые мотивы, цели и

³ Лат. *Aberratio*: «уклонение, удаление, отклонение от нормы, искажение чего-либо».

⁴ Левин К. *Динамическая психология. Избранные труды* / Под общ. ред. Леонтьева Д.А. и Патяевой Е.Ю.; (сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Деонтьева Д.А., Патяевой Е.Ю.). - М.: Смысл, 2001.

задачи. В результате такое взаимодействие объединяет деятельность каждого сотрудника в групповую деятельность.

Важнейшей особенностью совместной деятельности является наличие коммуникации между сотрудниками и передача информации друг другу, взаимовлияние и взаимодействие. При этом происходит формирование единых режимных (педагогических) требований к осужденным и согласованный подход к основным средствам воздействия на осужденных, которые могут осуществляться в виде гуманного, направленного на ресоциализацию поведения, либо в виде подавления, жестокости, репрессий и т.д.

Цели и задачи служебного коллектива определяются общегосударственными, ведомственными и вневедомственными нормативными актами, в связи с чем становится важным не только индивидуальный стиль деятельности сотрудников, но и то, как ими понимаются, принимаются или отвергаются цели и задачи групповой деятельности.

Среди важнейших характеристик служебного коллектива выделяют: сплоченность, совместимость, *социально-психологический климат*, *коллективное мнение*, *стиль руководства*, особенности неофициальных взаимоотношений (Богданов В.А., Семенов В.Е.).

Коллективное мнение тесно связано с психологическим климатом. Его своеобразие состоит в том, что в нем отражаются социально-ролевые и неофициальные взаимоотношения. Коллективное мнение существует преимущественно в латентной форме и актуализируется через осознание событий, проблемных ситуаций, требующих оценки. Коллективное мнение представляет собой важный регулятор активности отдельных сотрудников как членов коллектива. *Даже внутренне не соглашаясь с ним (коллективным мнением), далеко не каждый сотрудник решится вести себя независимо, а тем более идти в разрез с мнением коллектива. С учетом этого повышенного внимания требуют ситуации манипулирования коллективным мнением, использования его для достижения корыстных, корпоративных, противоправных целей.*

Стиль руководства - еще одна психологическая характеристика служебного коллектива. Применительно к пенитенциарной системе стиль руководства определяется как типичная, относительно устойчивая для прямого начальника система методов, средств и приемов влияния на подчиненных, преимущественный способ принятия управленческих решений, организации их исполнения и контроля. Формализованный из-за многочисленных нормативно-правовых предписаний стиль руководства в исправительном учреждении приобретает индивидуальную окраску благодаря личным качествам руководителя. Наиболее важными из них являются: человечность, общительность, справедливость (не исключая

требовательности), культурный кругозор, отстаивание законных интересов осужденных, стремление «поднять», а не унижить осужденного (Синев В.Н., 1989).

Одним из важных факторов, осложняющих совместную работу различных служб и приводящих к извращенному осуществлению профессиональной деятельности, является возникновение в исправительных учреждениях УИС функционального *группового эгоцентризма* (групповой профессиональной деформации), выражающегося в преувеличении роли своей службы в общей структуре деятельности пенитенциарного учреждения и преуменьшении значимости других служб (Столяренко А.М., Китов А.И.). Основными причинами появления и развития функционального эгоцентризма являются: установки непосредственных начальников служб; предвзятое, необъективное отношение руководителей исправительного учреждения к сотрудникам отдельных частей и служб; нарушение профессиональной этики; отсутствие обоснованных критериев оценки эффективности деятельности различных подразделений; недостатки в организации материального и морального стимулирования; несовместимость и некомпетентность исполнителей при выполнении общей работы; предвзятое отношение сотрудников друг к другу в связи с отсутствием информации о специфике и объеме работ; непродуманная организация работы и подведения ее итогов; появление нездоровых групповых мнений и др. (Чечкова А.В., 2001). Как показывает практика, групповая деформация в виде группового эгоцентризма присуща сотрудникам оперативно-режимных служб (что находит свое подтверждение и в анализируемом нами уголовном деле, фигуранты которого, обвиняемые сотрудники, имеют непосредственное отношение к оперативно-режимной деятельности).

Социальной организации⁵ персонала исправительного учреждения присущи специфические особенности, которые находят свое выражение в уголовно-исполнительной деятельности: разнородность состава ее членов и решаемых ими задач, наличие единоначалия и субординации. Социальная организация сотрудников исправительного учреждения имеет единую цель - управление процессом исполнения и отбывания уголовного наказания осужденными в соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства.

Социально-психологический климат социальной организации сотрудников - это система отношений его членов к выполнению служебных задач, а также друг к другу, которые характеризуются определенным уровнем дисциплины, настроением, удовлетворенностью и результативностью уголовно-исполнительной деятельности. Он может способствовать повышению эффективности служебной активности или снижению.

В зависимости от этого климат можно считать здоровым и нездоровым.

⁵ Понятие «социальная организация» употребляется как синоним понятия «коллектив».

Наиболее важными факторами, от которых, в конечном счете, зависит социально-психологический климат, являются стиль и методы руководства, авторитет руководителя.

Так как руководитель осуществляет административные функции, от него зависят подбор, расстановка кадров, поощрение или наказание, продвижение по службе, что сказывается на состоянии каждого работника и социальной организации сотрудников в целом, что непосредственно определяет состояние климата.

По мере усиления групповой мотивации и укрепления коллектива как социальной организации у каждого работника происходит частичное замещение индивидуальных мотивов групповыми. Это может либо способствовать улучшению психологического климата, повышению эффективности труда, либо, при определенных обстоятельствах, наоборот негативно влиять на него.

Далее рассмотрим специфическое влияние группы на индивидуальное поведение человека.

Результаты исследований по *социальной фасилитации*,⁶ проводимые в различное время специалистами в рамках социальной психологии, свидетельствуют о том, что группы способны «возбуждать» людей. И если возбуждение накладывается на отсутствие личной ответственности, а общепринятые нормы поведения размываются, последствия могут быть самыми неожиданными. В подобных ситуациях люди способны на самые разные поступки – от нарушений правил поведения до импульсивных проявлений самых низменных чувств и деструктивных социальных взрывов. Такое поведение спровоцировано властью группы. Группа способна породить чувство возбуждения или вовлеченности в нечто большее, чем то, на что способен индивид сам по себе.

В некоторых групповых ситуациях люди более склонны к тому, чтобы отбросить ограничения, действующие в повседневной жизни, утратить собственное «Я» и стать восприимчивыми к групповым нормам. Иными словами, происходит то, что Леон Фестингер, Альберт Пепитоун и Теодор Ньюком назвали *деиндивидуализацией* (Festinger, Pepitone & Newcomb, 1952). Подобные групповые ситуации возникают в ситуации пребывания индивида в группе себе подобных (с похожими целями, мотивами, установками), что внушает людям веру в собственную безнаказанность, так как они воспринимают то, что происходит, как *групповую акцию*. Поскольку в происходящей ситуации («так поступают все»), участники события могут объяснить свое поведение скорее ситуацией, нежели собственным выбором. Совершение импульсивных действий и наблюдение за окружающими, занимающимися тем же самым, доставляет самоусиливающееся удовлетворение. Когда люди видят, что другие делают то же самое,

⁶ Лат. *socialis* - общественный и *facilitare* – облегчать.

что и они, им кажется, что они испытывают те же чувства, какие испытывают и другие, и их собственные чувства становятся более сильными (Orive, 1984).

Коллективный опыт ослабляет не только самоосознание, но и связь между поведением и установками. Результаты экспериментов, проведенных Эдом Динером (Diener, 1980), а также Стивеном Прентис-Данном и Рональдом Роджерсом (Prentice-Dunn & Rogers, 1980, 1989), позволяют говорить о том, что не осознающие себя, деиндивидуализированные люди менее сдержанны, менее склонны к самоограничению, более склонны к тому, чтобы действовать, не думая о своих нравственных ценностях, и более активно реагируют на ситуации.

Таким образом, когда высокий уровень социального возбуждения накладывается на «размытую» ответственность, люди способны забыть о присущей им в обычных обстоятельствах сдержанности и утратить чувство индивидуальности. Подобная деиндивидуализация наиболее вероятна тогда, когда люди возбуждены, а их внимание отвлечено; в таких ситуациях люди ощущают себя анонимами, затерявшимися в «групповой деятельности» или скрывшимися за форменной одеждой. Результатом становится ослабление самоосознания и повышенная реактивность по отношению к сиюминутной ситуации, независимо от того, позитивна она или негативна. Установлена прямая связь способности групп усиливать агрессивные реакции, которая отчасти связана с «размыванием» личной ответственности.

Исследованиями установлено, что люди, которым не хватает собственной позитивной идентификации (что, как показывает практика и социально-психологические исследования, характерно для абсолютного большинства сотрудников УИС), нередко ищут повод для повышения самооценки в отождествлении себя с группой. Чем важнее для индивида социальная идентификация и чем сильнее он ощущает свою связь со своей группой, тем отчетливее просматриваются предрассудки и реакции на угрозы, исходящие от другой группы (Crocker & Luhtanen, 1990; Hinkle et al., 1992).

По мере углубления групповой идентификации возрастают также давление конформизма и деиндивидуализация (Staub, 1996). Чем с большей готовностью члены группы отдают себя в её распоряжение и чем большее удовлетворение приносит им их единение с другими, тем менее заметна самоидентификация.

Особого внимания в контексте нашего исследования заслуживает такой феномен воздействия на групповое поведение как влияние авторитета и идеологии, «прикрывающей сверху». Как показывают те же исследования, проводимые в рамках социальной психологии, наиболее важный фактор из числа тех, которые порождают добровольное и бездумное послушание, связан с так называемой «идеологией,

прикрывающей сверху». Это укоренившаяся в обществе или социальной группе система взглядов, которая заранее юридически и/или морально оправдывает тех, кто им следует.

То есть, если руководитель (руководители) обладающий иерархическим статусом (в т.ч. в контексте субординационных отношений), профессиональным авторитетом и т.п., санкционирует противоправное поведение подчиненных, либо просто «закрывает глаза» на такое поведение, тем самым он снимает с них ответственность (юридическую, моральную), облегчая реализацию противоправного поведения.

С учетом вышеперечисленных основных научно-обоснованных форм и видов формирования и функционирования коллективов и групп, специфических особенностей группового поведения, характерного, в том числе, и для персонала исправительных учреждений УИС, в ходе изучения и анализа уголовного дела мы пришли к следующему выводу: социально-психологические особенности в социальной организации персонала исправительного учреждения ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области могли способствовать возникновению чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела. По нашему мнению, в основе противоправного поведения сотрудников указанного учреждения лежат ошибки комплексного и системного характера: профессиональная деформация, ложно понятые интересы службы, сложившаяся в подразделении практика игнорирования правовых норм, ненадлежащее исполнение сотрудниками своих служебных обязанностей, недостаток профессионализма и прямое попустительство со стороны непосредственных руководителей. Указанные причины и привели сотрудников к необоснованному применению физической силы, специальных средств и в результате гибели осужденных.

Исследование по вопросу №2: «Могли ли, и если да, то каким образом, профессиональные качества и позиции сотрудников исправительного учреждения ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, способствовать возникновению чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела?»

Пенитенциарная практика свидетельствует о том, что различные нарушения в нравственной и психологической сферах личности сотрудника, а также постоянное воздействие стрессогенных факторов окружающей среды, находят свое выражение в снижении конкретных показателей служебной деятельности, деструктивном поведении, нарушении законности. В частности, одним из механизмов, обуславливающих профессиональную деформацию сотрудников, являются стереотипные формы мышления и поведения.

По мнению психологов пенитенциаристов, одним из основных, необходимых профессиональных качеств сотрудника исправительного учреждения является справедливость. К числу важнейших профессиональных качеств сотрудника следует отнести также выдержку и самообладание. Обусловлено это тем, что сотрудник всегда, даже в самых неожиданных обстоятельствах, обязан сохранять за собой ведущее положение в процессе взаимодействия с осужденными. *Никаких срывов, несдержанности, повышенной эмоциональности у сотрудников осужденные не должны видеть и даже чувствовать.* Незрелость этих качеств провоцирует агрессивность со стороны осужденных, групповые неповиновения.

Макаренко А.С. подчеркивал, что человек без тормозов - испорченная, неуправляемая машина. Сотруднику исправительного учреждения необходимо всегда контролировать свои действия и поведение. Сотрудник должен быть требователен, поскольку его деятельность носит правовой характер. В то же время требовательность к другим должна сочетаться с требовательностью к себе и быть целесообразной, соответствующей нравственному поведению.

Наряду с этими качествами характера особого внимания заслуживает профессиональный такт сотрудника - соблюдение чувства меры в процессе общения с осужденными. Вместе с тем, такт - это выражение ума, чувства, воли, общей культуры сотрудника вместе взятых. Его сердцевину составляет важнейший принцип - сочетание высокой требовательности к человеку с уважением его чести и достоинства.

Значительная часть ошибок и неправильных профессиональных действий происходит оттого, что сотрудник оперативной службы, службы безопасности, не уделил должного внимания каким-то обстоятельствам, имеющимся противоречиям, изучению существенных вопросов в служебной деятельности учреждения.

Накопление опыта профессиональной деятельности способствует возникновению автоматизма, который облегчает наблюдение и понимание происходящего, однако иногда приводит к ошибкам. Большую опасность представляют так называемые «костные стереотипы» - привычные, укоренившиеся у сотрудника суждения и оценки, которые сплошь и рядом искажают наблюдение. Поэтому сотрудник ИУ должен оценивать наблюдаемые факты и явления не только с привычной точки зрения, то есть не ограничиваться тем, что ему было известно ранее, а стремясь увидеть в наблюдаемом новое.

Профессиональная наблюдательность - необходимая предпосылка правильного прогноза поведения осужденных, позитивного или негативного развития социально-психологических явлений в среде осужденных. Например, умение диагностировать

психическое состояние обыскиваемого облегчает поиски спрятанных запрещённых предметов, правильное определение состояния осужденного во время беседы позволяет получить важные сведения. Психическая наблюдательность включает и умение сотрудника наблюдать за самим собой, обеспечивать внешний самоконтроль, управлять своими эмоциями, своевременно исправлять допущенные ошибки. Поэтому наиболее опытные сотрудники развивают привычку видеть себя со стороны и контролировать свое поведение при утомлении, усталости, эмоциональном стрессе, в экстремальных условиях деятельности (Папкин А.И., 1996).

Важнейшими для познавательной деятельности сотрудников являются волевые качества. Поиск, инициатива и творчество, необходимые сотруднику в его работе, немислимы без следующих волевых качеств: самостоятельность и инициативность; целеустремленность - умение ставить перед собой главную задачу и не упускать ее из виду, какой бы другой деятельностью сотрудник ни занимался; настойчивость - проявление упорства при достижении поставленных целей, преодолении внешних и внутренних трудностей, возникающих при их достижении; *выдержанность* - способность владеть собой, управлять настроениями и чувствами, не поддаваться провокациям со стороны отдельных осужденных; решительность - отсутствие излишней поспешности или медлительности при принятии решения.

Понимание особенностей среды и личности осужденных связано с анализом и синтезом, развитием у сотрудников профессионального мышления, восприятия, памяти и воображения в процессе их деятельности.

Типичными характеристиками личности сотрудника исправительного учреждения должны быть корректность поведения при достаточной настойчивости, подчеркнутая приверженность социальным нормам, эмоциональная уравновешенность.

Подробнее остановимся на стереотипах, свойственных сотрудникам исправительных учреждений УИС.

Особенности формирования стереотипов специалистами были изучены с двух позиций, а именно - социогенеза и психогенеза, то есть влияния социальных, социально-психологических и психических факторов. Такой подход продиктован тем обстоятельством, что поведение человека опосредовано различными уровнями иерархической организации психики и, хотя конкретная схема такой организации остается дискуссионной, эмпирический опыт показывает, что различные формы поведения не только тесно взаимосвязаны между собой, но и являются переходными стадиями единого адаптационного процесса.

Представляется важным различать позитивные стереотипы, имеющие отношение к механизмам рационального поведения личности, и негативные стереотипы. Первые являются необходимым звеном в процессе адаптации и облегчают ориентировку человека в жизни, а также включение его в те или иные виды деятельности. Вторые являются *концентрированным выражением жестких социальных установок и стереотипного мышления.*

Последние характеризуется тем, что они фиксируют только определенные свойства объекта или явления в соответствии с эмоциональным отношением индивида к ним. Такое поведение отличается ригидностью, однообразием форм реагирования на возникающие ситуации, а также неадекватным прогнозом развития социальных явлений. При этом, как правило, ограничиваются возможности конструктивного разрешения возникающих конфликтов, утрачивается индивидуальный стиль деятельности, в том числе и профессиональной, появляются и учащаются неадекватные формы реагирования, что, в конечном счете, позволяет говорить о возникновении личностной или профессиональной деформации сотрудника. В основе стереотипов обыденного сознания лежат социальные и социально-психологические (как правило, эмоционально насыщенные) установки на то или иное явление без ясного и глубокого представления о нем.

Следует подчеркнуть, что негативные стереотипы упрощают, схематизируют или искажают видение социальной реальности. При этом они могут выполнять консервативную, а иногда и реакционную роль в процессе социально-психологического функционирования личности или группы.

Несмотря на необозримое число психологических вариаций этого феномена, многообразие смыслообразующих мотивов, стоящих за одной и той же формой поведения, выделяется ряд общих закономерностей, которые наиболее часто встречаются в служебной деятельности сотрудников и являются, факторами, снижающими ее эффективность.

Широко распространены стереотипы, искажающие смысл и мотивацию деятельности сотрудников. К примеру, ориентировка только на формализованные показатели работы (количественные показатели, рейтинги и т.д.). Представляется, что такой подход, с одной стороны, характеризуется односторонностью в оценках деятельности, с другой - свидетельствует об искаженных представлениях сотрудников об их функциональных обязанностях. Однако за этим может стоять и профессиональная неподготовленность, когда компенсация чрезмерной активности в одной сфере деятельности осуществляется в ущерб другой или замещается жесткими требованиями к следованию установленным нормам и правилам.

Другая разновидность негативных стереотипов - представление о преобладании институциональных или конвенциональных норм поведения (традиции, обычаи, ритуалы и др.) над законодательно-правовыми нормами. Их можно обозначить как определенные социальные установки, которые выполняют функции сплочения и согласования общественных или корпоративных целей организации.

Распространенным является стереотип организации деятельности, главным образом ориентированной на социально-правовые нормы поведения сотрудников. При этом игнорирование психологической и морально-нравственной составляющих профессиональной деятельности приводит к деформации регуляции именно социально-правовой сферы поведения, что подтверждается дисциплинарной практикой.

Эти стереотипы снижают уровень мотивации, порождают пассивность, скептицизм, а главное - формируют в сознании сотрудников терпимое (или безразличное) отношение к социально-нормативным отклонениям в поведении коллег по службе. Формируется среда, в которой опасность быть подвергнутым социально-психологической изоляции способствует *подмене морально-нравственных принципов внутригрупповой солидарностью, возникает круговая порука, легализуются и становятся приоритетными личные интересы отдельных членов коллектива.*

Стереотип снятия ответственности за порученную работу (деперсонализация деятельности) нередко создают условия службы с жестко регламентированной иерархической системой отношений. При этом в сфере профессиональной мотивации личности сотрудника искажается не только ее содержательная сторона, но также и психодинамическая составляющая. Следствием чего является формирование авторитарного стиля организационно-практической деятельности, формальное отношение к служебным обязанностям, нивелирование творческой активности. *При этом крайне негативным является представление о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, как о безнадежных людях («отбросах» общества), неспособных изменить свое поведение в лучшую сторону. Подобные стереотипы способствуют развитию дискриминационного или директивного стиля профессиональной деятельности.*

Отдельного внимания заслуживают некоторые общепрофессиональные факторы, влияющие на предъявление повышенных требований к адаптационным механизмам саморегуляции поведения индивида. Необходимо отметить, что согласно классификации профессий Е.А. Климова, в основу которой положен критерий «объекта труда», деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы относится к категории профессиональной принадлежности «Человек-Человек». Модель взаимодействия в ней можно представить тремя формами: субъект-объектной (когда

общение регламентируется ведомственными положениями); субъект-субъектной (основанные на равенстве межличностного общения) и объект-субъектной (при общении с антисоциальными элементами). Принципиальное значение для эффективной служебной деятельности имеет умение оперировать всеми перечисленными формами.

Для последней формы взаимодействия свойственно проявление деперсонализации и дискриминации коммуникативного общения. Речь идет о сотрудниках, использующих стратегию манипулятивного воздействия, а иногда и подавления осужденных (часто сопровождающуюся чрезмерной грубостью, жестким и несправедливым обращением с последними). Такого рода *«коммуникативные состояния»* *повышают риск профессиональной деформации, совершения административно-дисциплинарных нарушений, вплоть до нарушений законности.*

Анализ работ, посвященных проблематике рассмотрения служебной деятельности с позиции психогенеза, показывает, что стереотипно-защитные формы реагирования обычно изучаются в аспекте конфликтных ситуаций. Как известно, в их основе лежат, с одной стороны, противоречия между потребностями и возможностями личности, с другой - между возможностями и требованиями, которые к ней предъявляет действительность. В таких случаях стереотипные формы поведения выступают как психологические способы защиты личности от внешних и внутренних конфликтов.

По мнению ряда исследователей, парадокс указанных состояний заключается в том, что процесс разрешения конфликта - есть одна из форм развития личности. В его основе лежит общеизвестное положение о том, что индивид обычно занимает две полярные позиции по отношению к психогенному фактору: первая направлена на устранение психотравмирующего обстоятельства; вторая на изменение системы отношения к нему. Таким образом, иррационально выбранная стратегия, ведет к обеднению (сужению) иерархии деятельности или к ее минимальной опосредованности, а систему смысловых связей заполняют защитные переживания. Таким образом, данная стратегия направлена на уменьшение восприятия психологического конфликта, но не на его преодоление. В этом случае дезинтеграционные процессы личности не только сохраняются, но и усугубляются. К сожалению, такие способы реагирования становятся все более распространенными и устойчивыми, определяя вектор приспособительных реакций.

Эмпирический опыт указывает на то, что реальность привычных стереотипных форм реагирования, неадекватных объективной ситуации вряд ли можно отрицать. Их общей направленностью является стремление избавиться от психологического дискомфорта, но при этом средства достижения (то есть сами защитные механизмы) представлены в виде

ригидных, стереотипных, плохо осознаваемых процессов, проистекающих без учета объективной оценки ситуации в целом и ожидаемой долговременной перспективы.

Так в профессиональной среде сотрудников довольно распространены негативные явления, связанные с такой стереотипной формой как коммуникативно-конфликтный тип поведения. Его причиной, как правило, является наличие дефектов в сфере самосознания, самовосприятия и самооценки, то есть тех самых социально-психологических качеств личности, которые, собственно, определяют уровень самоуважения, достоинства и ответственности индивида.

Особенность профессиональной деятельности сотрудников с такой стратегией заключается в том, что они видят причину всех неблагоприятных событий в их внешней обусловленности. Данная категория сотрудников буквально продуцирует конфликтные ситуации, при этом они не видят (или не хотят замечать) собственных ошибок. Любые изменения привычных условий или «посягательства» на сферу их жизненных интересов, как правило, вызывают протестную реакцию, чувство ущемленного достоинства и ведут к эскалации напряжения и возникновению конфликтной ситуации. Таким индивидам свойственна чрезмерная требовательность и властность, директивный и авторитарный стиль общения.

Специалисты отмечают, что стереотипное поведение со временем может трансформироваться в агрессивные формы и проявляться в аффективных реакциях и насильственных действиях, в первую очередь, в отношениях с осужденными, как с наиболее уязвимой и менее защищенной в правовом отношении категорией лиц.

Таким образом, общими характеристиками сотрудников, склонных к стереотипным формам поведения, являются низкая психоэмоциональная устойчивость, избирательная чувствительность к психогенным факторам, неадекватность реагирования и оценки ситуации, ведущие к социально-психологической и профессиональной деформации личности. В этой связи следует отметить, что без своевременной коррекции этих особенностей, они не только могут стать привычным стилем деятельности, но и приобрести негативное динамическое развитие, способствующее крайним формам разрушительного поведения.

Деформация нравственно-правового сознания личности (антисоциальная или асоциальная установка) – обязательная субъективная детерминанта любого акта преступного поведения, характеризующая даже неосторожного преступника. Существенным элементом механизма преступного поведения являются те или иные деформации реального образа жизни субъекта, которые оказывают деморализующее влияние на нравственную направленность личности.

И хотя специально проведенное исследование (Бовин Б.Г., 1993) установило, что в целом усредненный личностный профиль сотрудников пенитенциарных учреждений существенно не отличается от профилей личности работников других правоохранительных органов, общественный резонанс, связанный с противоправным поведением сотрудников исправительных учреждений, привел к необходимости изучения причин нарушений законности в местах лишения свободы пенитенциарными психологами и педагогами (Дебольский М.Г., Пицелко А.В., Белослудцев В.И. и др.).

Было, в частности, выявлено, что причинами противоправных действий сотрудников ИУ служат: несоответствие личностных качеств требованиям профессиональной деятельности; слабый профессионализм; эмоциональная несдержанность в ситуациях провокации (оскорбление чести, достоинства и т.п.); влияние менталитета, выработанного в тоталитарном государстве; слабая материальная обеспеченность сотрудников; профессиональная деформация персонала.

Последний феномен заслуживает особого внимания. Когда говорят о профессиональной деформации, то имеют в виду изменения и нарушения в личности сотрудников, вызванные специфическими факторами деятельности и отрицательно влияющие на ее осуществление, результат взаимовлияния специфики служебной деятельности и личностных характеристик.

Деформирующее влияние на личность сотрудников ИУ оказывают, прежде всего, следующие факторы: закрытость исправительных учреждений; идентификация сотрудниками себя с властью, а осужденных – с «невольниками»; тесный контакт с криминогенной средой; высокая хроническая стрессогенность профессиональной деятельности, связанной с постоянной угрозой эмоциональной или физической агрессии со стороны осужденных и высоким уровнем эмоциональности в общении. Причём с наибольшей вероятностью профессиональная деформация развивается при отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической и нравственной устойчивости (Борисова С.Е., 1998).

По данным Лебедева В.В., Мокрецова А.И. и Шамиса А.В., «пики проявлений профессиональной деформации приходятся на 3-4 и 6-7 годы работы в пенитенциарном учреждении. Ими выявлено, что длительный период службы в пенитенциарных учреждениях способствует деформации личности».⁷

Наиболее подвержены подобным личностным изменениям, по мнению вышеуказанных авторов, категории сотрудников пенитенциарных учреждений, непосредственно включённые в процесс ресоциализации преступников и по роду своей деятельности обя-

⁷ Рабочая книга пенитенциарного психолога // Под ред. Мокрецова А.И., Голубева В.П., Шамиса А.В. - М.: 1998. с. 5-9

занные находиться с ними в непосредственном контакте, среди которых, несомненно, перечислены сотрудники оперативно-режимных служб, нередко совмещающие в одном лице функции оперативного и режимного работника.

Рукоприкладство, грубость, применение спецсредств без необходимости – это крайние формы проявления профессиональной деформации. Исследования, проведенные учеными ВНИИ МВД России, подтверждают, что среди сотрудников пенитенциарных учреждений, имеющих стаж службы около 10 лет, гораздо больше акцентуантов, которым свойственны агрессивность, чем среди молодых сотрудников. Наглядный механизм формирования профессиональной деформации описан в работе «Эксперимент с моделированной тюрьмой» (Милграм С. 1965), где авторами сделан вывод, что именно социальная роль («надзиратель») меняет психологию и поведение человека. Таким образом, профессиональная деформация - это не просто «пережиток тоталитарной системы» или проявление российского менталитета, а общечеловеческий социально-психологический феномен.

В целом указанный эксперимент показал, что даже вполне благопристойные люди, когда им доверяют общественно значимую деятельность и наделяют властными полномочиями, одновременно снимая персональную ответственность за последствия своих действий, склонны к проявлению неоправданной жестокости ради выполнения поставленной перед ними социальной задачи.

Отмечая реальность действия в исправительных учреждениях данного механизма деформации персонала, Зимбардо Ф. (1974) отмечал, что: «*Надзиратель тюрьмы – такая же жертва системы, как и заключенный*». Однако какими бы сложными ни были ситуации, как бы ни «давили» на человека внешние условия, он всегда должен сам принимать решения и нести за них ответственность.

В систематике личностных аномалий деформация личности относится к формам, которые по своим феноменологическим особенностям выходят за пределы нормы, но не достигают степени патологии. В связи с чем недостаточно выявлять только выраженные психические расстройства, необходимо проведение психологических исследований, направленных на изучение специфических изменений личности, вызванных особенностями профессиональной деятельности.

Данные состояния обычно обозначаются как стереотипы эмоциональных реакций, социопатии, парциальные патохарактерологические аномалии, акцентуации характера, дискордантная личность и т.д. Хотя содержание перечисленных понятий не всегда совпадает, общим для них является *формирование патохарактерологических черт*.

В отличие от стереотипного поведения при этих состояниях сама личность становится носителем и источником конфликтов. Общий алгоритм такого поведения становится более автоматизированным, а логика смысло-содержательного компонента мотивации - импульсивной. Направленность адаптивных механизмов саморегуляции приобретает эгоцентричный, агрессивный характер с тенденцией к деструктивным формам поведения.

Подводя итог вышесказанному, мы полагаем, что, несомненно, профессиональные качества и позиции сотрудников исправительных учреждений УИС имеют свою специфику. Они могут оказывать негативное влияние на служебно-профессиональную деятельность, а именно искажать смысл и мотивацию деятельности сотрудников, формировать стереотипы, способствующие развитию дискриминационного или директивного стиля профессиональной деятельности, что со временем трансформируется в агрессивные формы поведения и проявляется в аффективных реакциях и насильственных действиях, в первую очередь, в отношении осужденных, как к наиболее уязвимой и менее защищенной в правовом отношении категории лиц. Таким образом, по нашему мнению, именно профессиональные качества и позиции обвиняемых (сотрудников ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области) оказывали негативное влияние на служебную деятельность, привели к формированию вышеперечисленных профессиональных искажений, и в конечном итоге привели к чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела.

Исследование по вопросу №3: «Что мотивировало поведение обвиняемых во время совершения ими общественно опасного деяния?»

Рассматривая преступность пенитенциарных работников как социальное явление, следует иметь в виду, что оценка одних явлений в качестве причин, а других в качестве условий всегда будет иметь относительный характер. В разных случаях одно и то же явление может выступать либо причиной, либо условием, то есть носить диффузионный характер. Обладая способностью проникновения друг в друга, причины и условия могут менять криминогенные качества.

Факт совершения преступлений сотрудниками исправительных учреждений свидетельствует о том, что духовному миру отдельных сотрудников свойственны такие мотивы, которые либо по своему содержанию, либо по формам проявления, либо по способам реализации противоречат мотивации, положительно оцениваемой обществом и отвечающей его интересам.

Дефекты нравственно-деловой сферы (безразличное отношение к людям, отрицание положительных качеств человека, безответственное отношение к служебным обязанно-

стям, профессиональному долгу, неумение противостоять провоцирующему влиянию преступной среды и сдерживать себя в состоянии повышенного эмоционального возбуждения) проявляются в преступном поведении сотрудников.

Представляется, что субъективные причины преступности сами по себе не могут определять криминогенное поведение пенитенциарных работников, не преломляясь через психологическую структуру личности каждого сотрудника. При этом субъективные условия преступности следует рассматривать как вторые после причин детерминанты, которые обеспечивают, во-первых, возникновение причин, а во-вторых, их реализацию в следствии. Преступность в учреждениях уголовно-исполнительной системы выступает следствием действия совокупности соответствующих причин и условий.

В генезисе противоправного поведения важную роль играют психологические явления, состояния и процессы, протекающие в сознании человека. В качестве таких посредствующих личностных факторов преступного поведения выступают потребности, интересы, ценностные ориентации, социальные установки и иные элементы психологической структуры личности.

Понятие «мотивация» имеет два значения. Во-первых, этим понятием обозначается процесс формирования и возникновения мотива поведения. Во-вторых, понятием мотивации обозначается совокупность побуждений (потребности, интересы, привычки и т. д.), которые могут выступать в качестве мотивов противоправного поведения. В контексте исследования понятие мотивации употребляется в его первом значении, т.е. для обозначения процесса возникновения мотива и цели преступного поведения. Подобный подход позволяет проследить социальную детерминированность мотивации и функции, выполняемые ею в механизме преступного поведения. Изучение мотивационной сферы преступного поведения способствует выявлению места и роли, выполняемых в механизме преступного поведения потребностями, интересами, привычками человека, она является основой «диагностики» социальных ценностей личности.

В целях корректного ответа на поставленный вопрос считаем целесообразным отметить важность того обстоятельства, что действия обвиняемых были обусловлены различными мотивами, в связи с чем в своем исследовании мы условно распределили обвиняемых на две группы, в *первую* вошли Жидков В.С., Афанасьев Е.В., Шилин А.В., Валеев В.Г. обвиняемые по статьям 316 УК РФ, ч. 3 ст. 285 УК РФ, ч. 3 ст. 33 УК РФ, ч. 3 ст. 306 УК РФ, ч. 2 ст. 292 УК РФ, во *вторую* Городов Е.А., Мухаметов Р.М., Симаков Д.В., Зырянов А.В., Берлович М.Л., Кондратюк Е.А., Антуев П.Б., Токарев М.А., Голоднов Д.А., Гумеров Р.З., Мальшаков А.А., Орлов С.Е., Селютин А.В., Бирюков А.А. обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «а», «в», «д», «ж» ч. 2 ст.

105 УК РФ, ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. п. «а», «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, ч. 3 ст. 306 УК РФ.

Исходя из теоретического анализа профессиональной литературы, практического опыта и материалов уголовного дела, мы полагаем, что именно действия (бездействия) обвиняемых первой группы, явились основной причиной возникновения чрезвычайного происшествия, рассматриваемого в уголовном деле.

В *первую группу* входят обвиняемые, которые в период, предшествовавший возникновению чрезвычайного происшествия, на протяжении нескольких лет были руководителями ГУФСИН России по Челябинской области различного уровня (это и начальник территориального органа, и начальники управлений по оперативной работе и безопасности, а также начальник учреждения ФБУ ИК-1), в профессиональные обязанности которых входили: осуществление руководства и несение персональной ответственности за выполнение возложенных на подразделения управленческих задач и функций; определение обязанностей своих заместителей, назначаемых на должность и освобождаемых от должности по их представлению; проведение работы по отбору, расстановке, воспитанию, профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров; обеспечение соблюдения законности и правопорядка в деятельности подразделений управления, учреждений, исполняющих наказания и других подведомственных учреждений; решение в соответствии с законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами ФСИН России вопросов приема на службу (работу) сотрудников (работников) уголовно-исполнительной системы, их увольнения со службы (работы), а также иных вопросов прохождения службы (работы) сотрудниками (работниками) уголовно-исполнительной системы, применение в установленном порядке в отношении них мер поощрения и дисциплинарного взыскания и др.

Из материалов уголовного дела можно сделать вывод о том, что работа в указанных выше направлениях либо выполнялась не в достаточном объеме, либо, что, на наш взгляд, более вероятно, была направлена на формирование именно такой профессиональной среды в подразделениях, которая в последствии и привела к чрезвычайному происшествию в ФБУ ИК-1.

Необходимо отметить, что в период осуществления профессиональной деятельности обвиняемыми, основным критерием оценки их профессиональной успешности были результаты рейтинговой оценки.⁸ Именно этот фактор, на наш взгляд, повлиял на формирование установки указанных руководителей, любыми возможными средствами влиять на максимальный рост показателей рейтинга. Мотивы подобного поведения руководителей очевидны: самоутверждение и повышение собственной репутации. Подоб-

⁸ Приказ Минюста РФ от 15.04.05 № 262.

ная мотивация формирует «делинквентный карьеризм» и является одним из субъективных факторов, детерминирующих преступность в учреждениях, исполняющих наказания.

Если карьера пенитенциарных работников базируется, прежде всего, на преданности служебному долгу, желании реализовать свои силы и способности на благо общества и государства, карьеризм же вызван стремлением лица только к личному благополучию, а служебные дела интересуют их только в той мере, в которой последние благоприятствуют преуспеванию и обеспеченности карьериста. Карьеризму должностных лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы сопутствуют взяточничество, протекционизм и злоупотребления служебным положением, последнее из перечисленного явно представлено в материалах исследуемого уголовного дела.

Также необходимо указать на наличие таких мотивов, детерминирующих противоправные действия обвиняемых данной группы, как *псевдосоциальные*. Среди данных мотивов, присутствующих у указанных обвиняемых, на первом месте, безусловно, необходимо указать на «*ведомственно-корпоративный*» - реализующийся, как правило, при совершении должностных и хозяйственных преступлений, а также преступлений против правосудия (например, должностные подлоги, укрывательство преступлений и т.д.).⁹

Но анализ псевдосоциальных мотивов не может ограничиваться констатацией противоречивости интересов группы интересам общества. Поскольку в каждом случае каждый виновный знает, что такой конфликт имеется и своими поступками он нарушает уголовно-правовой запрет, основной мотив надо искать в том, в чем именно заключен для обвиняемых смысл преступных действий, что психологически они выигрывали, совершая их. В связи с этим основным мотивом обвиняемых является не ложно понятый интерес группы, а определенная польза для каждого из них. Таким образом, мы приходим к выводу, что в действиях обвиняемых первой группы ложно поняты групповые интересы, выступающие в качестве так называемых псевдосоциальных мотивов, стоят не на первом месте, т.е. обвиняемые не ошибались в правовой и нравственной оценке этих интересов, в их случае у каждого из них существовала потребность самоутверждения, сохранения (улучшения) своего социального статуса, подтверждения своего социального бытия, страх быть низвергнутым системой. Именно в этом мы видим мотивы грубейшего нарушения законности.

Несомненно, что в анализе противоправного поведения обвиняемых данной группы особая роль принадлежит обвиняемому Жидкову В.С., бывшему начальнику ГУФСИН России по Челябинской области, который, как указано в материалах уголовного дела, зная

⁹ Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений М., 1996.

истинную картину происшедшего в ФБУ ИК-1, фактически санкционировал действия по укрывательству совершенного сотрудниками преступления. Подобное поведение с психологической точки зрения легко объяснить, так как в случае инициирования уголовного дела по факту смерти осужденных, социально-психологические последствия для Жидкова В.С. были бы наиболее ощутимы (вероятное увольнение, потеря социального статуса, преимуществ должности и т.д.). Криминальная значимость и опасность подобного поведения обвиняемого очевидна, именно подобные действия руководителей провоцируют нижестоящих сотрудников совершать противоправные поступки, формируя у них мнение о вседозволенности без каких-либо серьезных последствий. В данном конкретном случае профессиональный статус и возможности обвиняемого были использованы им для сокрытия особо тяжкого преступления, что указывает на присущие ему специфические мотивационные установки и личностные особенности.

Необходимо указать на тот факт, что у значительной части руководителей УИС имеется определенная деформация мышления, выражающаяся в устойчивом мнении, что, не нарушая закон, невозможно управлять средой осужденных, содержащихся в учреждениях УИС. Ввиду подобной установки противоправные мотивы формируются и у рядовых сотрудников исправительных учреждений, которые проявляются в преступном поведении, соблюдении корпоративности, примиренческом отношении к своим сослуживцам, совершающим преступления, прежде всего должностные и против правосудия.

Также специфической, по нашему мнению, в данном чрезвычайном происшествии является и роль обвиняемого Валеева В.Г., являвшегося в период возникновения инцидента (и на протяжении года до него), начальником исправительного учреждения ФБУ ИК-1. Невозможно объяснить поведение обвиняемых второй группы (именно такого их количества в одном учреждении), участвующих в физической расправе над осужденными, одним только их злым умыслом, злой волей, без опосредованного участия в этом процессе и руководителя исправительного учреждения (Валеева В.Г.). Согласиться с той мыслью, что начальник учреждения не знал о методах подобной «воспитательной» работы, практикуемой его подчиненными, просто невозможно на уровне здравого смысла. Установки на подобные действия персонала исправительных учреждений, как правило формируются его непосредственными руководителями, а если предположить, что начальник учреждения (обвиняемый Валеев В.Г.) все же не был в «курсе» подобного поведения своих подчиненных, тогда возникает закономерный вопрос о его функциональной роли в данном учреждении.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мотивационного поведения первой группы, мы пришли к мнению, что доминирующими мотивами совершенного правонарушения (Жидковым В.С., Шилиным А.В., Афанасьевым Е.В. и Валеевым В.Г.), выразившегося в сокрытии преступления, совершенного сотрудниками исправительного учреждения ФБУ ИК-1, являлись как *экстрисивные* (внешние), так и *интрисивные* (внутренние) мотивы, среди которых: избежание неприятностей и наказания (негативная мотивация), стремление сохранить (улучшить) имеющийся социальный статус, потребность самоутверждения (престижная мотивация), подтверждение своего социального бытия. Указанные мотивы реализовались в действиях, направленных на устранение (предотвращение) возможных неблагоприятных последствий по службе, которые могли привести к дисциплинарной ответственности и/или увольнению по дискредитирующим основаниям за ненадлежащую организацию работы подчиненных сотрудников ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области.

Что касается мотивов *второй группы* обвиняемых (Городова Е.А., Мухаметова Р.М., Симакова Д.В., Зырянова А.В., Берловича М.Л., Кондратюка Е.А., Антуева П.Б., Токарева М.А., Голоднова Д.А., Гумерова Р.З., Мальшакова А.А., Орлова С.Е., Селютина А.В., Бирюкова А.А.), реализовавшихся в противоправных действиях, указанных в материалах уголовного дела, необходимо ответить на вопрос: ради чего данные субъекты поступили именно так, в чем здесь их личностный смысл, что они приобретали в психологическом смысле?

В связи с чем необходимо рассмотреть такой мотив совершения насильственных преступлений, как месть, который, по нашему мнению, определенным образом детерминировал поведение обвиняемых рассматриваемой группы. Рассмотрим данное обстоятельство подробнее.

Мечь означает ответное намеренное действие в отплату за зло, возмездие за что-нибудь, например, за оскорбление, обиду и т.д. Невозможно дать хотя бы примерный перечень ситуаций, вызывающих месть, или ситуаций, в которых она реализуется. Вызвавшие ее поводы могут быть совершенно неадекватны характеру ответных действий, и здесь все или очень многое зависит от субъективного восприятия виновным сложившейся ситуации и от его собственных возможностей.

Рассмотрим мотив мести в таком контексте, когда отмщение предписывается мстящему окружением, причем сама месть выступает в качестве одной из норм, ценимой или навязываемой ему окружением. Поэтому предписанная месть не носит сугубо личного характера, а приобретает общественное звучание, нередко достаточно широкое. Так, например, в среде преступников жестко предписывается, что определенные действия,

в том числе словесные оскорбления, обязательно должны вызывать ответное насилие. В противном случае, человек осуждается сообществом и в связи с этим подвергается различным санкциям, подчас весьма унижительным и жестоким. Если учесть то обстоятельство, что профессиональная деформация (о чем мы писали выше) включает в себя усвоение сотрудниками субкультурных ценностей осужденных, с которыми они находятся в тесном профессиональном взаимодействии, не вызывает особого сомнения то, что и сотрудники в конфликтных профессиональных ситуациях будут действовать в рамках подобных субкультурных установок.

Сказанное позволяет утверждать, что иногда месть носит вынужденный характер и о личном удовлетворении можно говорить не в связи с тем, что преступник причинил страдание или смерть потерпевшему, а потому, что он исполнил «долг», обычай. Представляется, что по внешним признакам это все-таки месть, но она не может оцениваться в качестве мотива соответствующих действий. Им выступает стремление утвердиться на социально-психологическом уровне, т.е. «сохраниться» в глазах группы, сообщества. Неподчинение обычаям означает катастрофу, полное крушение, утрату всего наиболее ценного: социального положения, авторитета, уважения окружающих, изгнание из общности. Таким образом, здесь мотив как бы защищает личность, и он отражает главным образом отношения не с жертвой мести, а со своей средой и с самим собой.

Теперь рассмотрим другой вариант: месть осуществляется по инициативе, по желанию самого преступника, его никто на это не толкает и к этому не принуждает; если давление извне и есть, то оно минимально, не носит характер ультиматума и, уж во всяком случае, не расходится с его собственным стремлением.

В подобной ситуации такие действия, всегда совершаются в ответ на оскорбление, обиду и т.д., на уже содеянное зло, которое воспринимается мстящим именно в таком качестве. Оно, это зло, может вызывать глубокие страдания, потрясение, психотравмирующие аффективные переживания.

Стремление обеспечить справедливость может заявить о себе, когда обдумывается месть человеку, который представляется носителем опасных пороков или совершил преступления. При этом он мог и не причинить ущерб самому мстителю, а совершить безнравственные или преступные действия в отношении третьих лиц, даже и незнакомых. В таком аспекте мотив отражает в основном отношения с объектом мести. Как нам кажется, в рассматриваемом нами уголовном деле подобная установка обвиняемых в отношении потерпевших, несомненно, присутствует (усмирение и «наказание» осуществлялось именно в отношении осужденных преступников).

В других случаях, когда агрессия совершается с тем, чтобы на психологическом уровне отстоять представление о самом себе, отразить посягательства на свой биологический или социальный статус, мотивом выступает не месть, а утверждение (подтверждение) себя в среде, а также самоутверждение. Здесь, как и при вынужденном подчинении, давлению окружающих, определяющая роль принадлежит повышенной тревожности, которая окрашивает все возникающие связи и процессы в соответствующие тона. Мотив же отражает отношения не с жертвой мести, а со всей средой и с самим собой, причем тревожность часто мешает адекватно воспринимать действительность. Конечно, одни и те же поступки могут порождаться и мотивами мести, и мотивами утверждения, что делает их еще более целеустремленными.

Необходимо указать, что некоторые компоненты мотивов могут носить глубинный, бессознательный характер, и связаны с психотравмирующими переживаниями неуверенности, страха, беспокойства, боязни за свое существование, место в жизни. Указанная тревожность может быть настолько велика, а переживания достигают такого уровня, что человек, чтобы «защитить» себя, начинает пренебрегать всеми людскими законами.

Прежде всего отметим, что если человек ощущает вокруг себя угрожающую атмосферу, то снять свою бессознательную боязнь можно только потеснив других, как бы отодвинув их от себя, а еще надежнее – уничтожив носителей угрозы. Именно последний путь субъективно наиболее выгоден, так, как создает иллюзию мгновенного решения всех психологических проблем, приобретших бытийный смысл.

Насилие в руках агрессивного и жестокого человека приобретает самостоятельное, самодавяющее значение как орудие установления его власти. В сам момент применения насилия, унижая, пытая, уничтожая другого, причиняя ему страдания, преступник ощущает всю полноту власти. По всей видимости, именно в этот момент, без остатка поработав свою жертву, он живет наиболее полной жизнью. Эту важную сторону насилия и власти хорошо выразил Дж. Оруэлл: «Цель репрессий – репрессии. Цель пытки – пытка. Цель власти - власть... Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. В том, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить снова в таком виде, в каком вам угодно».¹⁰

По мнению К.Хорни: «... Стремление к власти, престижу и обладанию означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения. ...Невротическое стремление к власти рождается из

¹⁰ Джордж Оруэлл «1984», Изд.: [Харвест](#), 2009.

тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности. Иначе говоря, невротическое стремление к власти рождается из слабости».¹¹

Таким образом, в целом можно считать, что большинство преступлений, направленных против личности (в частности физическое насилие и убийства), имеют субъективный смысл, как правило, неосознаваемый от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть. Поэтому мотивом многих подобных преступлений выступает защита от агрессии среды или мотив утверждения.

Утверждение личности на социально-психологическом уровне предполагает стремление к приобретению признания со стороны значимого ближайшего окружения, т.е. чаще всего на групповом уровне. В таких случаях преступление выступает в качестве способа его включения в подобную группу, его признания.

В общем смысле под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства. Однако это часть реализуется изменением отношения к себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Именно при наличии комплекса неполноценности, неадекватности, ущемленности личности, поведение может носить компенсаторный или гиперкомпенсаторный характер. Последнее нередко приводит к браваре, необдуманным, рискованным поступкам, проявляется в виде применения физического насилия в форме особой жестокости.

По мнению Антоняна Ю.М., исходя из теоретических представлений о личности и целостном опосредовании ее поведения, он полагает малопродуктивным и довольно искусственным стремление связывать с некоторым действием (преступлением) какую-либо отдельно взятую особенность личности (назвав ее мотивом). При ближайшем рассмотрении ни одно действие не может быть однозначно идентифицировано с какой-то отдельной чертой личности, но обязательно оказывается связанным со всей личностью.¹² Рассмотрение бессознательной мотивации как целостного опосредования преступного поведения неизбежно ведет к формулировке его мотивов как своего рода модусов личности, т.е. системы свойств, проявляемых ею в определенных состояниях.

Такой подход несколько противостоит традиционно установившейся в психологии и криминологии практике поиска однозначных мотивов преступления. Иначе говоря, однозначное определение в качестве мотивов преступлений таких явлений, как корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения и пр., является грубым упрощением, а нередко и искажением

¹¹ Хорни К. Собрание сочинений в трех томах. – М., 1997. Т.1. С. 393-394.

¹² Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений М., 1996. С. 216.

истинной природы преступного деяния. Более адекватным нужно считать определение мотива как модуса личности, учитывая это как при квалификации деяния, так и при назначении наказания.¹³

Субъективно-личностные и поведенческие характеристики тесно связаны между собой (хотя и не тождественны друг другу). Приведем некоторые проявления неосознаваемого мотивационного опосредования поведения и их возможные криминальные корреляты.¹⁴

Первая категория таких мотивов преступного поведения связана с типом личности. У лиц первого типа наблюдаются спонтанные повышения напряженности агрессивного аффекта, что может выражаться в более или менее агрессивных действиях. Эти действия часто внешне осознаются и рационализируются в форме реакции «справедливого негодования». Подобные реакции достаточно часто возникают среди сотрудников исправительных учреждений в ответ на действия осужденных, связанных с отказом от выполнения различных требований, указаний, распоряжений и т.д.

Представители второго типа отличаются частой сменой настроения, психической активности, склонны к острым эмоциональным впечатлениям. Последнее может проявляться в дерзком хулиганстве, а также в социально приемлемых формах, например, занятиях спортом, сопряженных с высокой степенью риска для жизни.

Для представителей третьего типа со свойственной им переоценкой значимости собственной личности характерна агрессивная концепция окружающей социальной среды и различные формы защиты от этой мнимой агрессии. Особенности именно этого типа, часто мотивируют совершение тяжких насильственных преступлений против личности.

В ходе изучения материалов уголовного дела, мы исследовали имеющиеся в нем заключения Центров психологической диагностики¹⁵ ГУИН Челябинской области и Саратовской области на некоторых обвиняемых, включенных нами во вторую группу. Исходя из анализа данных заключений, можно прийти к выводу, что обвиняемых, прошедших психодиагностику (в период прохождения службы), имеются личностные черты, описанные в вышеприведенной типологии, а именно:

- Берлович М.Л. Заключение ЦПД ГУИН Челябинской области №1841 от 05.2003г. (после прохождения испытательного срока): *эмоционально лабилен, активен, импульсивен, склонен к риску, упорен в достижении цели*. Рекомендован условно. Установлены признаки «группы риска».

- Симаков Д.В. Заключение ЦПД УВД Челябинской области №1308 от 03.2000г. (поступление в учебное заведение): *высокая самооценка и уровень притязаний*.

¹³ Там же - С. 217.

¹⁴ Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Бессознательное в мотивации преступного поведения / В кн. Криминальная мотивация; Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М., 1986. С. 174-188.

¹⁵ Далее ЦПД.

- Зырянов А.В. Заключение ЦПД ГУИН Челябинской области №2219 от 10.2003г. (причина обследования: поступление на службу): *эмоционален, вспыльчив, но отходчив, раздражителен, импульсивен, снижен фон настроения, склонен «застрывать» на негативных переживаниях.* Рекомендован условно. Выявлены признаки «группы риска».

- Кондратюк Е.А. Заключение ЦПД ГУИН Челябинской области №1631 от 03.2003(5?)г. (причина обследования: поступление на службу): *самооценка завышена, эмоционально лабильный, вспыльчив, но отходчив, раздражителен, импульсивен, склонен к необдуманным поступкам, стремление к независимости, выражен эгоцентризм.* Рекомендован условно. Выявлены признаки «группы риска».

Отсутствие заключений ЦПД на других обвиняемых исследуемой группы не дает возможности с достоверностью оценить их психологические характеристики, но все же, исходя из анализа материалов уголовного дела, позволяет гипотетически предположить наличие у них подобных личностных характеристик.

Таким образом, подводя итог исследованию мотивации поведения обвиняемых второй группы (Городова Е.А., Мухаметова Р.М., Симакова Д.В., Зырянова А.В., Берловича М.Л., Кондратюка Е.А., Антуева П.Б., Токарева М.А., Голоднова Д.А., Гумерова Р.З., Мальшакова А.А., Орлова С.Е., Селютина А.В., Бирюкова А.А.), выразившегося в совершении правонарушения (превышение должностных полномочий, повлекших смерть осужденных ФБУ ИК-1), мы пришли к следующим выводам: основными мотивами совершения правонарушения являлись – мотив мести 1) как стремление утвердиться на социально-психологическом уровне, «сохраниться» в глазах группы, сообщества; 2) реакция на неподчинение, игнорирование, оскорбление и т.д.; 3) действия в отношении носителей «опасных» пороков с низкой социальной ценностью; и мотив утверждения (самоутверждения) – 1) стремление к приобретению признания со стороны значимого ближайшего окружения; 2) желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства, подтверждение своего социального бытия (защита - повышение «Я-образа»).

Неподчинение требованиям администрации потерпевшими осужденными повлекло (на психологическом уровне) дестабилизацию и без того не достаточно адекватной самооценки обвиняемых, несло угрозу их самоуважению и собственному достоинству. Имеющиеся в учреждении негативные стереотипы повседневной профессиональной практики, установка на отчетно-рейтинговые показатели, противоправное стремление любыми средствами заставить осужденных изменить свой субкультурный статус (отказ от «понятий», вступление в самодеятельные организации), требовали незамедлительных «санкций» в отношении нарушителей. Групповые установки, субординация и

корпоративная мораль указывали на необходимость осуществления акции террора и не позволяли уклониться от его выполнения из-за боязни социального остракизма.

Именно данные обстоятельства послужили причиной противоправных действий обвиняемых второй группы и привели к трагическим последствиям.

Исследование по вопросу №4: «Какие дополнительные факторы могли повлиять на возникновение чрезвычайной ситуации в ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, описанной в материалах уголовного дела?»

По нашему мнению, дополнительным фактором, повлиявшим на возникновение чрезвычайной ситуации в ФБУ ИК-1, что привело к трагедии, описанной в материалах уголовного дела, явился низкий уровень профилактической работы, осуществляемой сотрудниками кадрово-воспитательной, медицинской и психологической служб.

Профилактика нарушений дисциплины и законности среди сотрудников УИС имеет ряд особенностей, обусловленных специфическими условиями служебной деятельности, тенденцией к нарастанию пограничных и психосоматических расстройств, в том числе различных форм деструктивного поведения, и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на содержание должного нормативного порядка в пенитенциарных учреждениях, создание наиболее благоприятных условий для несения службы сотрудниками, обеспечение их социальной и правовой защищенности, формирование оптимальных межличностных взаимоотношений, профилактику профессиональной деформации сотрудников.

И если роль кадрово-воспитательных подразделений в профилактической работе в настоящее время выражена слабо ввиду объективных причин (утрата идеологической парадигмы, слабая мотивирующая сила моральных стимулов, отсутствие возможности качественного отбора персонала и т.д.), то методами и средствами, имеющимися в распоряжении медицинской и психологической службы УИС, при определенных условиях, возможно осуществлять мероприятия, направленные на профилактику, как профессиональной деформации сотрудников, так и на профилактику нарушений дисциплины и законности среди них.

В соответствии с приказом Минюста РФ от 26 августа 2003 г. №206 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» военно-врачебная экспертиза и освидетельствование граждан в органах УИС Минюста России проводится с целью определения: (п.55.1.) Годности к

службе граждан, поступающих на службу в органы УИС, в подразделениях и видах деятельности (в конкретной должности, по специальности); (п.55.2.) Годности сотрудников к военной службе, службе в подразделениях и видах деятельности (в конкретной должности, по специальности); (п.55.3.) Годности граждан к поступлению в образовательные учреждения; (п.55.4.) Годности сотрудников к поступлению в образовательные учреждения; (п.55.6.) Годности к прохождению службы сотрудниками в должностях подразделений и видов деятельности, отнесенных к I, II, III или IV группам предназначения и др. Кроме того, проводится изучение психологических и психофизиологических особенностей личности, освидетельствуемых в Центрах психологической диагностики военно-врачебных комиссий при территориальных органах УИС с целью выявления лиц с нервно-психической неустойчивостью и экспертизы профессиональной пригодности. При отсутствии ЦПД или значительной отдаленности от него подразделений УИС экспертизу профессиональной психологической пригодности по программе обследования в ЦПД проводят психологи подразделений УИС, рекомендованные психологической службой территориального органа УИС и утвержденные приказом руководства территориального органа УИС. Заключение ЦПД военно-врачебных комиссий при территориальных органах УИС или психологов территориальных подразделений органов УИС учитываются врачами-психиатрами ВВК в ходе обследования освидетельствуемых (п.62).

Таким образом, уже в ходе отбора кандидатов на службу, существует возможность не допустить приема таких, которые по своим психологическим и личностным качествам не способны осуществлять профессиональную деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Существенным минусом логичной позиции данного нормативного акта является то, что заключения Центров психологической (психофизиологической) диагностики носят рекомендательный характер, и только от непосредственного руководителя учреждения, в которое поступает работать кандидат, зависит, обратит он внимание на негативные выводы заключения ЦПД или нет.

Те же обстоятельства касаются и деятельности психологической службы учреждений УИС. В соответствии с приказом Минюста РФ от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы» осуществляется психологическое сопровождение профессиональной деятельности персонала.

Среди основных видов работ, выполняемых сотрудниками психологической службы по обеспечению деятельности персонала, значатся: проведение первичного профессионально-психологического отбора кандидатов на службу (учебу) в органы и

учреждения (образовательные учреждения) ФСИН России, оказание помощи молодым сотрудникам в профессиональной и социально-психологической адаптации к условиям служебной деятельности, их углубленное изучение при назначении на должность; осуществление динамического контроля психических состояний персонала, психодиагностического обследования сотрудников при решении вопросов, требующих участия психолога (постановка – снятие с психологического учета, допуск к несению службы с оружием и т.п.); проведение занятий в системе служебной подготовки, направленных на повышение психологической компетентности персонала; консультирование сотрудников подразделения по вопросам профессионально-служебной деятельности; психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение; оказание психологической помощи персоналу в решении проблемных и преодолении кризисных ситуаций, проведение групповых и индивидуальных психокоррекционных мероприятий; изучение психологических причин нарушений дисциплины и законности..., иных негативных явлений в подразделении, разработка рекомендаций и предложений по их профилактике; проведение мероприятий по психопрофилактике профессиональной деформации сотрудников и повышению их психологической устойчивости к негативным социально-психологическим воздействиям; мониторинг социально-психологического климата в коллективах подразделений, разработка и проведение мероприятий по его оптимизации; осуществление психологической подготовки сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях, профилактика посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР).

В ходе анализа материалов уголовного дела по факту противоправных действий сотрудников ГУФСИН России по Челябинской области и ФБУ ИК-1 мы пришли к выводу, что подобные искаженные профессиональные установки и поведение не могли быть не замечены специалистами медицинской (ЦПД) и психологической службы, в ходе осуществления ими своих профессиональных функций.

Являясь сотрудниками УИС (в среднем от 6 лет и больше) обвиняемые в соответствии с указанными выше нормативными актами должны были неоднократно проходить психологическое освидетельствование (прием на службу; перевод из учреждения в учреждение; перевод на вышестоящие должности; динамическое сопровождение в подразделениях, допуск к оружию и т.д.), в связи с чем на указанных лиц должен быть достаточный объем психологической информации, характеризующей их индивидуально-психологические и профессиональные особенности, группы предназначения, уровень рекомендованности к профессиональной деятельности, наличие

психологических отклонений в поведении ограничивающих профессиональную пригодность и т.п.

Дополнительное изучение данных психологических материалов, на наш взгляд, поможет в ходе судебного разбирательства установить истинную картину, противоправного поведения обвиняемых.

Отдельно необходимо остановиться на роли психологов учреждений, в которых работали обвиняемые (центральный аппарат ГУФСИН и ФБУ ИК-1). Целесообразно раскрыть причины, ввиду которых их профессиональная деятельность не способствовала профилактике и предотвращению противоправного поведения обвиняемых. Для чего необходимо установить истинную картину выполнения данными психологами своих профессиональных обязанностей, уровень их профессиональной подготовки (переподготовки), отношение непосредственных руководителей учреждений к деятельности этих психологов и т.д. В специфические профессиональные обязанности пенитенциарных психологов, как было сказано нами выше, входит осуществление мероприятий по выявлению и профилактике профессиональной деформации сотрудников, таким образом, данные специалисты должны были выявить наличие у обвиняемых каких-либо психологических и личностных изменений, которые могли детерминировать их противозаконные действия.

Имеющиеся в материалах уголовного дела заключения ЦПД ГУИН Челябинской области и УВД Саратовской области указывают на то, что обвиняемым свойственны именно такие психологические особенности, которые изначально, еще при поступлении на службу, свидетельствовали об их профессиональной непригодности. Так в соответствии с заключением ЦПД ГУИН Челябинской области №1841 от 05.2003г. на Берловича М.Л. (после прохождения испытательного срока) установлены признаки «группы риска», рекомендован условно.

Заключение ЦПД УВД Саратовской области от 31.03.1999г. на Шилина А.В. (причины проведения обследования: трудоустройство) рекомендован, по результатам обследования в ЦПД УВД Саратовской области заключение №1818 от 04.2001г. (причины проведения: повышение по службе): недостоверные результаты при ретестировании. Рекомендован. Рекомендовано наблюдение психологом.

Заключение ЦПД ГУИН Челябинской области №1631 от 03.2003(5?)г. на Кондратюка Е.А. (причина обследования: поступление на службу) установлены признаки «группы риска», рекомендован условно.

Заключение ЦПД ГУИН Челябинской области №2219 от 10.2003г. на Зырянова А.В. (причина обследования: поступление на службу): установлены признаки «группы риска»,

рекомендован условно, повторное обследование после прохождения испытательного срока. Примечателен тот факт, что в соответствии с заключением психологической лаборатории учреждения ЯВ 48/6 по Челябинской области от 20.02.2004г. (причина обследования: окончание испытательного срока) психологами уже дается совершенно противоположная характеристика, указывается, что Зырянову А.В. присуща активность, энергичность, жизнерадостность, общительность, осторожность и недоверчивость, осмотрительность в поступках, настойчивость в достижении цели. И имеется вывод: рекомендован. Хотя имеющиеся в материалах уголовного дела результаты обследования свидетельствуют: что у обследуемого имеются высокие показатели по шкале 5 методики СМИЛ (87 Т-баллов). Повышенные показатели по 5-й шкале в любом профиле означают отклонение от типичного для данного пола ролевого поведения и усложнение сексуальной межличностной адаптации. Одинокий пик по 5-й шкале, как у мужчин, так и у женщин, при линейном, то есть нормальном, профиле, без заметных повышений по другим шкалам, часто встречается у своеобразных людей, непонятных для окружения, и свидетельствует о трудностях межличностного общения, которые распространяются не только на лиц противоположного пола). Интерпретация теста Люшера: эмоциональная неудовлетворенность дала толчок повышенному и нетерпеливому желанию независимости, которое приводит к стрессу и беспокойству. Не хочет, чтобы другие догадывались о его ранимости и поэтому считает неразумным проявлять свои привязанности или быть чрезмерно откровенным. Беспокойная неустойчивость, вызванная эмоциональной неудовлетворенностью. Стремление избегать критики и предотвращать какие-либо ограничения свободы его действий и самому определять свою судьбу, когда он имеет дело с другими. Таким образом, выводы психологов данного учреждения носят сомнительный характер.

Перечисленные нами выводы заключений в большинстве своем относятся к деятельности медицинских подразделений (ЦПД), хотя данные заключения имеются не на всех обвиняемых. Наряду с этим в материалах уголовного дела вообще не имеется психологических заключений, рекомендаций, характеристик, психологов тех учреждений, где работали обвиняемые на протяжении многих лет своей профессиональной деятельности, и в частности не имеется указанных документов из тех учреждений, где работали обвиняемые в последнее время, в связи с чем не представляется возможным объективно исследовать индивидуально-психологические и личностные особенности обвиняемых.

В соответствии с нормативными документами, указанными выше, результаты диагностических обследований персонала хранятся в виде готовых документов (справки,

портреты и характеристики), а при использовании психологических методик ручной обработки хранятся как в виде готовых документов, так и в «сыром» (необработанном) виде (бланки, графики, диаграммы, рисунки и т.п.). Также отчеты о проведенной работе фиксируются психологами в специальных журналах. Таким образом, для определения качества работы, проводимой психологами учреждений (центрального аппарата ГУФСИН и ФБУ ИК-1), и установления обстоятельств, каким образом их профессиональные действия (бездействия) способствовали возникновению ситуации, описанной в материалах уголовного дела, необходимо изучение указанных психологических материалов, а также привлечение указанных психологов в качестве свидетелей в ходе судебного процесса. К примеру, установление того факта, что психологами ФБУ ИК-1 начальнику учреждения доводилась информация о неадекватном поведении обвиняемых сотрудников, или что они по своим индивидуально-психологическим характеристикам, вызванным деформационными изменениями, не способны выполнять профессиональные обязанности, то игнорирование этой информации данным руководителем, несомненно, создало предпосылки для возникновения указанного чрезвычайного происшествия, повлекшего человеческие жертвы.

По нашему мнению, проведение только психиатрической экспертизы решило ограниченный спектр вопросов, а именно: экспертами установлено отсутствие психических расстройств у обвиняемых и их вменяемость, что не исключает у них наличия индивидуально-психологических деформаций (повышенной импульсивности, враждебности, агрессивности и т.д.), вызванных спецификой прохождения службы, для определения которых необходимо проведение психологической экспертизы.

Исследование по вопросу №5: «Обладают ли потерпевшие специфическими индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями, которые могли вызвать (спровоцировать) именно такую ответную реакцию обвиняемых, которая описана в материалах уголовного дела?».

Материалы уголовного дела указывают, что на момент произошедшей чрезвычайной ситуации погибшие потерпевшие и получившие телесные повреждения имели статус осужденных. Таким образом, чтобы дать ответ на поставленный вопрос необходимо дать определение понятию личности осужденного и раскрыть особенности субкультуры осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях УИС.

Своеобразие личности осужденного проявляется, прежде всего, в ее психическом облике: характере, способностях, интересах, установках, отношениях, формирующихся и

проявляющихся в деятельности человека. На их развитие большое влияние оказывает та микросреда (ближайшее и непосредственное окружение), в которой протекает жизнедеятельность индивида.

Понятие личности осужденного Ратинов А.Р. (1974) наделяет специфическим содержанием. Осужденный - это уже не тот человек, который совершил преступление, ибо само преступление наложило отпечаток на его психику, он пережил процедуру судопроизводства, испытал массу противоречивых воздействий в период содержания следственном изоляторе.

Говоря о личности преступника или осужденного, мы подразумеваем социальное положение человека и выполняемые им социальные функции. Отметим, что, попав после осуждения в места лишения свободы, преступник начинает играть иные социальные роли, чем на свободе. Они вытекают в первую очередь из требований режима. В отечественной психологии достаточно четко сформулировано положение о том, что условия жизни людей, психологическая атмосфера, характер взаимосвязей индивидов во многом определяют их поведение и деятельность.

Отличительные особенности личности вытекают из статуса осужденного, вина которого установлена вступившим в законную силу приговором, обязавшим его отбыть определенное наказание (Михлин А.С., 1973). Кроме того, положение осужденного приводит к вступлению его в новые общественные отношения и к исключению из ряда отношений, которые характеризовали его как личность ранее.

Изучение личности осужденных включает в себя знание механизмов и закономерностей поведения и деятельности в условиях отбывания наказания, влияния среды преступников и основных средств исправления, ресоциализации и адаптации осужденного.

В первую очередь личность осужденного характеризует потеря социального статуса. Если под социальным статусом понимается относительное положение, занимаемое личностью в соответствии с профессией, социально-экономическим положением, происхождением, семейным положением, то его лишение фактически означает утерю места личности в социальной структуре общества, в различных сферах жизни. Лишение свободы - это исключение личности из системы культуры общества (Андреев Н.А., 2001).

Социально-психологические особенности осужденного хорошо просматриваются с точки зрения Петровского А.В. (1986), который считает, что структуру личности составляет человек в групповом взаимодействии, в системе межличностных отношений, в других людях. Социально-психологические особенности осужденных отражаются на их внешнем виде, в жестах и позах. Любая форма унифицирует человека, заставляет менее

ощущать себя личностью и создает такой же эффект со стороны окружающих. Позы и жесты, мимика и пантомимика осужденных дают информацию об их характерологических свойствах, привычках, состояниях, намерениях и социальном статусе.

Особенно необходимо учитывать, что поведение осужденных в большей мере, чем у законопослушных граждан, зависит от обычаев и традиций, которые складываются в их среде. Под влиянием среды у осужденных формируются похожие манеры поведения, обращения друг с другом и администрацией, типичность жестов, поз и речи. Обусловленность поведения осужденного похожа на зависимую конформность, когда он вынужден поступать так же, как другие, в противном случае будет подвергнут осуждению и отчуждению.

В связи с осуждением у человека происходит перестройка социальных функций и ролей, в частности, он освобождается от семейных обязанностей, необходимости контролировать свой бюджет, время. Это снижает его требовательность к себе как к личности, подчиняет влиянию среды осужденных. В результате у него ослабляется или усиливается контроль за своим поведением.

Отдельно необходимо остановиться на индивидуально-психологических особенностях осужденных молодежного возраста, так как в материалах уголовного дела потерпевшие в большинстве своем относятся именно к данной категории.

Жизненные планы и ценностные ориентации осужденных молодежного возраста (20-35 лет) в местах лишения свободы связаны со стремлением занять достойное место в иерархии осужденных, найти физическую защиту и опору в малой неофициальной группе, приспособиться к жизни в колонии.

Игошев К.Е. (1971) делит осужденных молодежного возраста на импульсивных и волевых с учетом развития их воли при совершении преступления. Деев В.Г. (1986) классифицирует осужденных молодежного возраста в зависимости от направленности личности на неустойчивых с активной положительной и отрицательной мотивацией поведения, устойчивых с отрицательной групповой мотивацией поведения, устойчивых с пассивной мотивацией поведения, устойчивых с положительной мотивацией поведения. Самой многочисленной является группа осужденных-приспособленцев, которые не изменяют внутренних убеждений, ценностей и при различного рода эксцессах оказываются на стороне отрицательной части.

Необходимо понимать, что данные установки осужденных вызваны специфическими возрастными особенностями и требуют в первую очередь психолого-педагогического воздействия, а в некоторых случаях и медицинской (психофармакологической) коррекции.

Процесс отбывания уголовного наказания сопровождается возникновением у осужденных различных психических состояний, занимающих промежуточное положение между кратковременными психическими процессами и устойчивыми свойствами личности. Они в значительной мере определяют своеобразие и успешность деятельности личности, а также отношение осужденного к наказанию, условиям труда, быта и отдыха, общению.

Другие состояния имеют ситуативный характер, поскольку возникают под воздействием окружающих, неполадок в быту и на производстве, проблем в межличностных отношениях. Наконец, некоторые состояния возникают у осужденных периодически, в процессе отбывания наказания. Все они могут проявляться как изолированно, так и в комплексе.

В разные периоды отбывания наказания те или иные психические состояния могут проявляться с большей или меньшей силой. Как правило, они обостряются в начальном периоде отбывания наказания, когда коренным образом изменяются условия жизни и деятельности осужденных. Так, после ареста ярко проявляются состояния: гипотимии, интропсихической неупорядоченности, тревожности; в начале срока: гипотимии, тревожности, нейротизма, подозрительности и недоверчивости. В эти периоды человек испытывает комплекс переживаний: ожидания и тревоги, нетерпения и озабоченности, фрустрации, стресса, надежды и страха, а его поведение может становиться неуправляемым. Осужденные, попадая в новые для них условия жизни в колонии и встречаясь с различными трудностями, нередко озлобляются, начинают агрессивно относиться к окружающим.

Так, тоска впервые осужденных по дому и свободе может длиться от нескольких дней до нескольких недель и месяцев. Впервые осужденные в начале отбывания срока наказания чаще, чем неоднократно судимые, испытывают состояния отчаяния, обреченности, безнадежности, повышенной возбудимости. Указанные состояния могут явиться причиной различных срывов, резких нарушений режима и т.д. Психология осужденного в начальной стадии пребывания в ИУ часто характеризуется отсутствием ясной перспективы жизни. Это приводит к снижению жизненной активности, к появлению раздражительности по отношению к возникающим ситуациям.

Осужденным свойственна эмоциональная напряженность (стресс) – эмоциональное состояние человека, чувствующего себя неуверенно в новых для него условиях мест лишения свободы и грозящих ему какой-либо опасностью. Напряженность проявляется во временном снижении психических функций.

Павлов И.П. подчеркивал, что физиологическим механизмом напряженности является пассивно-оборонительный рефлекс, обусловленный не столько силой взаимодействующих раздражителей, сколько их новизной.

Разнообразные факторы, обуславливающие возникновение выраженной напряженности у осужденных, могут быть объединены в четыре группы: несоответствие знаний и навыков, имеющихся у осужденного, предъявляемым к нему требованиям; неблагоприятные для данной ситуации индивидуально-педагогические особенности личности; отклонения в нервно-психическом здоровье; неправильный психологический подход без учета индивидуальных психических особенностей личности.

Каждый из этих факторов в конкретном случае может выступать в качестве условия либо причины возникновения напряженности. Полное исчезновение напряженности возможно только при устранении ее причины.

Определенная и немалая часть осужденных - психопатические личности. Самую большую группу составляют психопаты возбудимого круга, характеризующиеся вспыльчивостью, раздражительностью, легким возникновением приступов гнева, ярости, аффективными вспышками по любому, даже незначительному поводу, периодически возникающими расстройствами настроения с преобладающей дисфорической окраской (Волков В.Н., 1988). Многие из них обидчивы, жестоки, угрюмы, склонны к накоплению отрицательных переживаний, злопамятны, имеют злобно-раздражительный фон настроения (эпилептоидный вариант) (Антонян Ю.М., Гульдман В.В., 1991). Осужденные - истерические психопаты отличаются эмоциональной неустойчивостью, обидчивостью, вспыльчивостью, возникновением сверхценных идей суженного содержания, склонностью к фантазированию.

Дополнительным фактором, выражено влияющим на индивидуальное поведение осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, является *тюремная субкультура*. Тюремная субкультура – это совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы. Её ценности выступают реальным стимулом поведения, как личности, так и группы.

Тюремная субкультура выполняет несколько важных функции: стратификационную, включающую нормы и правила определения статуса личности в группе в уголовном мире; поведенческую, устанавливающую нормы поведения представителей уголовной «элиты», «низов», «чужих» и др.; осуществление ритуала приема в уголовное (тюремное) сообщество; опознания «своих» и «чужих»; стигматизации и остракизма, «разборок» и наказания провинившегося члена сообщества; коммуникативную и др.

Привлекательность субкультуры обусловлена тем, что в ней имеются возможности для самоутверждения осужденных и компенсации неудач, постигших их в обществе; процесс криминальной деятельности включает риск, экстремальные ситуации, окрашенные налетом романтики, таинственности и необычности и т.д.

По мнению многих авторов, *тюремная субкультура представляет собой неизбежное явление, поскольку осужденные в местах лишения свободы пытаются найти способы ослабления тяжелых условий изоляции, обрести свою роль в вынужденном сообществе*. Польский исследователь Холыст Б. считает, что «другая жизнь» возникает в местах лишения свободы в связи с коллизией между моральными ценностями, признающимися администрацией учреждения, и ценностями, которые признаются частью содержащихся в этих учреждениях осужденных, чаще всего объединяющихся в малые группы, имеющие своеобразный кодекс.

Формальная организация жизни осужденных в условиях лишения свободы не способна охватить все стороны жизни человека. Она сводит воедино лишь функциональные, имеющие отношение к делу элементы среды и функции человека. Человеку всегда не хватает возможностей для самовыражения, оставленных ему любой формальной организацией (Хохряков Г.Ф., 1994).

Каждый осужденный привносит в формальную организацию свои ожидания, цели, настроения, мнения, поэтому в местах лишения свободы самоорганизация носит массовый характер, в нее вовлекаются все. Базируется она на воровском законе, субкультуре «другой жизни». Отношение осужденных к тюремной субкультуре зависит от их категории, криминального опыта, вида преступления и др.

Тюремный закон представляет собой систему неформальных норм, правил, установок, санкций против нарушителей, процедур разбора конфликтов, введения новых норм, действующих в сообществе заключенных или в пределах отдельной группы, касты заключенных. Он регулирует отношения между различными группами, позволяет устранять конфликты, возникающие между осужденными. Данные, полученные Олейником А.Н. (2001) при исследовании вопроса, касающегося нарушения норм, показывают, что *нарушение неформальных норм оказывается более опасным, чем нарушение закона*.

Основным механизмом сплочения осужденных в «другой жизни» выступает круговая порука с психологической защищенностью членов своей группы.

Центральное место в тюремной субкультуре занимает система стратификации и такие выработанные преступным миром правила, традиции, которые специфически регламентируют права и обязанности членов сообщества, упорядочивают межличностные и межгрупповые отношения, оптимизируют криминальную деятельность.

В механизме асоциальной субкультуры действуют, по мнению Башкатова И.П., два взаимодополняющих механизма воздействия на личность осужденного и его статус: а) механизм самоутверждения и поиск способов психологической защиты личности в новой

среде, в том числе от требований администрации; б) механизм взаимной агрессии членов сообщества, взаимного наказания и притеснения ради собственного удовлетворения.

Социальный статус личности «другой жизни» чрезвычайно устойчив. Информация о нем проникает в другие исправительные учреждения, где он оказывается после совершения нового преступления. Иногда этот статус сохраняется и при выходе осужденного на свободу. *Сохранение и упрочение личного статуса одна из основных задач человека, попавшего в места лишения свободы. Посягательство на него, как правило, вызывает различные негативные варианты поведения осужденных, вплоть до противоправных.*

Повышенная эмоциональная возбудимость осужденных, обусловленная лишением свободы, ограничением внешних контактов и возрастанием роли внутриколонийских связей в местах лишения свободы, приводит к тому, что здесь быстрее, чем где бы то ни было, настроение одного человека передается другим. Именно поэтому в среде осужденных остро стоит проблема психологической защищенности личности. Психологическая надломленность осужденных, с одной стороны, и повышенная нервозность как результат незащищенности вплоть до потери самообладания - с другой, непосредственно влияют на их психические реакции и поведенческие акты.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос необходимо признать, что потерпевшие действительно обладали специфическими индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями, которые могли вызвать ответную реакцию обвиняемых. Но характер ответной реакции (действия обвиняемых), на наш взгляд, свидетельствует об их профессиональной некомпетентности и отражает абсолютное игнорирование альтернативных форм воздействия на осужденных, имеющих в распоряжении сотрудников исправительных учреждений.

Установление правил режима должно быть всегда психологически обоснованным, соответствующим научным требованиям организации жизни и деятельности осужденных. Только в этом случае они окажут максимальное воздействие на психику осужденных, разовьют у них необходимые морально-психологические качества. Использование данных психологии позволит так построить режим, чтобы нагрузки распределялись оптимально и, с одной стороны, создавали определенную напряженность, благоприятную для развития личности, а с другой - не вели бы к срыву психической деятельности.

Воздействие на осужденных без учета их индивидуальных социально-психологических особенностей порождает конфликтные ситуации, усиливает отрицательное влияние криминогенных факторов на личность в местах лишения свободы. Изучение личности осужденных необходимо в целях профилактики правонарушений.

Только зная прошлое и настоящее лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, анализируя их отношение к наказанию, режиму, трудовой деятельности, к окружающим людям, можно прогнозировать поведение осужденного.

Профессиональная деятельность, связанная с исполнением уголовных наказаний, сопряжена с возникновением различных ситуаций в виде провокаций со стороны спецконтингента, нарушений правил внутреннего распорядка и правонарушений, обуславливающих необходимость применения физической силы и специальных средств и т.п. В этих ситуациях проявляется способность сотрудника УИС контролировать собственное поведение, адекватно реагировать на ситуацию, не допуская при этом нарушений законности. Следовательно, регулирование профессиональной деятельности предполагает наличие эмоционального контроля, посредством которого стабилизируется правомерное поведение носителя, подавляются эмоциональные «протесты» и реакции, обеспечивается господство рационального в восприятии юридически значимых фактов. Именно отсутствие подобных установок в поведении персонала и реализация их в повседневной практической деятельности исправительных учреждений свидетельствует об абсолютной профессиональной некомпетентности, дискредитирует деятельность УИС и порождает чрезвычайные ситуации.

Игнорирование психических особенностей осужденных, их эмоционального состояния, уровня криминальной зараженности, субкультурных установок, ситуационной специфики (первичная адаптация осужденных (прием в исправительное учреждение)) и др. обвиняемыми, по нашему мнению, и привело к конфликтной ситуации, переросшей в чрезвычайное происшествие, повлекшее гибель людей.

III. Выводы

В результате проведенного исследования специалистами получены следующие ответы на поставленные перед ними вопросы:

Ответ на вопрос №1. На основании основных научно-обоснованных форм и видов формирования и функционирования коллективов и групп, специфических особенностей группового поведения, характерного в том числе и для персонала исправительных учреждений УИС, в ходе изучения и анализа уголовного дела, мы пришли к выводу, что социально-психологические особенности в социальной организации персонала исправительного учреждения ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области могли способствовать возникновению чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела. По нашему мнению, в основе противоправного поведения сотрудников

указанного учреждения лежат ошибки комплексного и системного характера: профессиональная деформация, ложно понятые интересы службы, сложившаяся в подразделении практика игнорирования правовых норм, ненадлежащее исполнение сотрудниками своих служебных обязанностей, недостаток профессионализма и прямое попустительство со стороны непосредственных руководителей. Указанные причины, как мы полагаем, и привели сотрудников к необоснованному и чрезмерному применению физической силы, специальных средств и в результате гибели осужденных.

Ответ на вопрос №2. Профессиональные качества и позиции сотрудников исправительных учреждений УИС имеют свою специфику. Они, несомненно, могут оказывать негативное влияние на служебно-профессиональную деятельность, а именно искажать смысл и мотивацию деятельности сотрудников, формировать стереотипы, способствующие развитию дискриминационного или директивного стиля профессиональной деятельности, что со временем трансформируется в агрессивные формы поведения и проявляется в аффективных реакциях и насильственных действиях, в первую очередь в отношении осужденных, как к наиболее уязвимой и менее защищенной в правовом отношении категории лиц. Мы полагаем, что именно профессиональные качества и позиции обвиняемых (сотрудников ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области) оказывали негативное влияние на служебную деятельность, привели к формированию вышеперечисленных профессиональных искажений, и в конечном итоге привели к чрезвычайной ситуации, описанной в материалах уголовного дела.

Ответ на вопрос №3. По нашему мнению, действия обвиняемых было обусловлено различными мотивами, в связи, с чем в своем исследовании мы условно разделили обвиняемых на две группы. Таким образом, в ходе проведенного исследования мотивационного поведения первой группы, мы пришли к мнению, что доминирующими мотивами совершенного правонарушения (Жидковым В.С., Шилиным А.В., Афанасьевым Е.В. и Валеевым В.Г.), выразившегося в сокрытии преступления совершенного сотрудниками ФБУ ИК-1, являлись как *экстринсивные* (внешние), так и *интринсивные* (внутренние) мотивы, среди которых: избежание неприятностей и наказания (негативная мотивация), стремление сохранить (улучшить) имеющийся социальный статус, потребность самоутверждения (престижная мотивация), подтверждение своего социального бытия. Указанные мотивы реализовались в действиях направленных на устранение (предотвращении) возможных неблагоприятных последствий по службе в виде

привлечения к дисциплинарной ответственности и увольнения по дискредитирующим основаниям за ненадлежащую организацию работы подчиненных сотрудников ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области.

Исследуя мотивацию поведения обвиняемых второй группы (Городова Е.А., Мухаметова Р.М., Симакова Д.В., Зырянова А.В., Берловича М.Л., Кондратюка Е.А., Антуева П.Б., Токарева М.А., Голоднова Д.А., Гумерова Р.З., Мальшакова А.А., Орлова С.Е., Селютина А.В., Бирюкова А.А.), выразившегося в совершении правонарушения (превышение должностных полномочий повлекших смерть осужденных ФБУ ИК-1), мы пришли к выводам, что основными мотивами совершения правонарушения являлись – мотив мести 1) как стремление утвердиться на социально-психологическом уровне, «сохраниться» в глазах группы, сообщества; 2) реакция на неподчинение, игнорирование, оскорбление и т.д.; 3) действия в отношении носителей «опасных» пороков с низкой социальной ценностью; и мотив утверждения (самоутверждения) – 1) стремление к приобретению признания со стороны значимого ближайшего окружения; 2) желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства, подтверждение своего социального бытия (защита - повышение «Я-образа»).

Неподчинение требованиям администрации, потерпевшими осужденными, повлекло (на психологическом уровне) дестабилизацию не достаточно адекватной самооценки обвиняемых, несло угрозу их самоуважению и собственному достоинству. Имеющиеся в учреждении негативные стереотипы повседневной профессиональной практики, установка на отчетно-рейтинговые показатели, противоправное стремление любыми средствами заставить осужденных изменить свой субкультурный статус (отказ от «понятий», вступление в самодеятельные организации), требовали незамедлительных «санкций» в отношении нарушителей. Групповые установки, субординация и корпоративная мораль указывали на необходимость осуществления акции террора и не позволяли уклониться от его выполнения из за боязни социального остракизма. Именно данные обстоятельства послужили причиной противоправных действий обвиняемых данной группы, и привели к трагическим последствиям.

Ответ на вопрос №4. Дополнительными факторами, которые могли повлиять на возникновение чрезвычайной ситуации в ФБУ ИК-1 ГУФСИН России по Челябинской области, описанной в материалах уголовного дела, по нашему мнению, могла стать роль психологов учреждений, в которых работали обвиняемые (центральный аппарат ГУФСИН и ФБУ ИК-1). В связи с чем, по нашему мнению, целесообразно раскрыть причины, ввиду которых их профессиональная деятельность не способствовала профилактике и

предотвращению противоправного поведения обвиняемых. Для чего необходимо установить истинную картину выполнения данными психологами своих профессиональных обязанностей, уровень их профессиональной подготовки, отношение непосредственных руководителей этих учреждений к их деятельности. В материалах уголовного дела не имеется психологических заключений, рекомендаций, характеристик, психологов тех учреждений, где работали обвиняемые на протяжении многих лет своей профессиональной деятельности, и в частности не имеется указанных документов из тех учреждений, где работали обвиняемые в последнее время, в связи с чем не представляется возможным объективно исследовать индивидуально-психологические и личностные особенности обвиняемых. Таким образом, для определения качества работы, проводимой психологами учреждений (центрального аппарата ГУФСИН и ФБУ ИК-1) и установления обстоятельств, каким образом их профессиональные действия (бездействия) способствовали возникновению ситуации, описанной в материалах уголовного дела, необходимо изучение указанных психологических материалов, а также привлечение указанных психологов в качестве свидетелей в ходе судебного процесса. Изучение указанных психологических материалов, на наш взгляд, поможет в ходе судебного разбирательства установить истинную картину противоправного поведения обвиняемых.

Ответ на вопрос №5. Потерпевшие действительно обладали специфическими индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями, которые могли вызвать ответную реакцию обвиняемых. Но характер ответной реакции (действия обвиняемых), на наш взгляд, свидетельствует об их профессиональной некомпетентности и отражает абсолютное игнорирование альтернативных форм воздействия на осужденных, имеющих в распоряжении сотрудников исправительных учреждений. Игнорирование обвиняемыми психических особенностей осужденных, их эмоционального состояния, уровня криминальной зараженности, субкультурных установок, ситуационной специфики (первичная адаптация осужденных (прием в исправительное учреждение)) и др., по нашему мнению, и привело к конфликтной ситуации, переросшей в чрезвычайное происшествие, повлекшее гибель людей.

Психолог _____ В.А.Рубашный

Психолог _____ В.Ю.Игнатов